

ЛАРИСА ЗВЕРИНСКАЯ

ЗАСТЫВШАЯ
В ЛЕДЯНОМ
САРКОФАГЕ

-ПИТЕРСКИЙ ДЕТЕКТИВ-

Питерский детектив

Лариса Зверинская

Застывшая в ледяном саркофаге

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2025

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

Зверинская Л.

Застывшая в ледяном саркофаге / Л. Зверинская — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2025 — (Питерский детектив)

ISBN 978-5-00025-417-2

Упавшая прямо под ноги главной героини глыба льда перевернула всю ее жизнь. К ужасу Инны, спешащей на работу в налоговую инспекцию, в расколовшемся ледяном саркофаге оказался вмерзший труп недавно пропавшей сотрудницы. Инна не может остаться в стороне и включается в расследование вместе со следователем полиции и новым начальником службы безопасности налоговой, с которыми у нее завязываются не только деловые отношения. Дальнейшие события приводят их в Стрельну, где происходят новые трагические происшествия, вовлекающие все больше участников.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00025-417-2

© Зверинская Л., 2025
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2025

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	54
-----------------------------------	----

Лариса Зверинская

Застывшая в ледяном саркофаге

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Зверинская Л., 2025

© Оформление. ООО «Издательско-Торговый Дом „СКИФИЯ“», 2025

* * *

Предупреждение

Любое сходство вымышленных частных лиц и организаций с реально существующими или существовавшими является случайным.

Автор не несет за это никакой ответственности.

«Раз-два-три, бы-стрей бе-ги... черт побери... эти сапоги... раз-два-три, бы-стрей бе-ги...» – подбадривала себя Инна, несясь по узкому тротуару Садовой со всей возможной для нее скоростью, какую только позволяли развить страшно неудобные новые сапоги.

Угораздило же ее недели три назад купить эти безумно дорогие инквизиторские пыточные орудия! Мало того, что они лишали Инну возможности нормально передвигаться по скользким тротуарам, так еще и постоянно напоминали о недавнем весьма неприятном и неприятном моменте в ее жизни, который надо бы вычеркнуть из памяти, так нет же! Лезут все время на глаза эти сапоги!

«Вернуть в магазин уже нельзя, носить не хочу, что остается? Сегодня последний раз отмучаюсь, вечером сниму и уберу в коробке на антресоли, пусть лежат и ждут... не знаю, чего. Старые еще нормально можно носить, тем более что в городе пока продолжается «великое оледенение», – думала на бегу Инна, скользя и спотыкаясь на тротуаре.

Опаздывать никак нельзя – Инна всего два месяца отработала на новом месте, в районной налоговой инспекции, в качестве начальника отдела. Самая неудобная должность: и в подчинении люди – ну, это ладно, вроде контакт есть, – но и сверху над тобой куча начальников, зорко отслеживающих всяческие нарушения.

Налоговая инспекция – серьезная организация, тут не забалуешь, тем более что Инна первые три месяца будет числиться «исполняющей обязанности» на испытательном сроке. А дальше будут «наверху» решать, утверждать ее или расстаться на вполне законных основаниях: «несоответствие занимаемой должности», даже без объяснения причин имеют право.

«Ну, поднажми, три минуты осталось! Давай, шевелись, уже дверь в здание инспекции видна! Вон еще кроме тебя сколько народу опаздывает, лифт отменяется, пешком на пятый этаж бежать придется», – на бегу подстегивала свой обессиленный организм запыхавшаяся Инна, не видящая и не слышащая вокруг себя уже ничего, кроме этой хлопающей заветной двери в инспекцию.

А между тем, не мешало бы ей кое-что услышать: когда она, громко топая высоченными каблуками, пронеслась мимо какого-то мужчины, он заорал на всю улицу:

– Стой! Стой!! Нельзя туда! Эй, девушка! – и побежал за ней, размахивая пестрым мотком ограждающей ленты, при этом за ним с грохотом понесся ломаный стул, только что привязанный к концу этой ленты.

Впрочем, шум, производимый мужиком, тут же был заглушен жутким скрежетом откуда-то сверху, но Инна и не подумала тормозить, и через несколько секунд прямо перед ее носом на тротуар рухнула огромная глыба льда.

Земля вздрогнула от удара, Инну засыпало осколками и ледяной пылью, да еще напоследок припечатало по голове парочкой ледышек. Оглушенная и ослепленная, Инна шлепнулась с размаху на панель, закрыла голову руками и крепко зажмурила глаза.

С крыши продолжали падать куски льда и слежавшегося снега – крыша старинного здания инспекции имела сложную конфигурацию, и теперь, с приходом в Петербург оттепели, из всех желобов и изломов посыпались накопившиеся запасы. Под этим обстрелом, прикрывая голову сломанным стулом, к Инне подбежал тот мужчина, который пытался ее остановить.

– Ненормальная, да? Вставай давай, прибьет сейчас! Уходим, быстро! – закричал он и схватил ее за руки, пытаясь поставить на ноги.

Инна открыла глаза, с трудом возвращаясь к реальности, и, увидев над собой мужика со стулом на голове, начала хохотать, не обращая внимания на обстрел с крыши. Он разозлился, рывком поставил ее на ноги, сорвал с головы стул и хрястнул его о тротуар, лишив себя последней защиты. Потом огляделся и быстро затащил ее в ближайшую нишу огромного окна первого этажа.

– Жить надоело? Меня из-за вас, ненормальных, посадят, если кого-то прибьет! Делай, что говорю! – командным голосом рявкнул мужчина. – Сейчас смотришь наверх и, если ничего крупного не летит, быстро перебегаешь на проезжую часть! Машин там нет, все перекрыли.

– И по проезжей части – поняла? По проезжей части! – доходишь до входа в инспекцию, снова смотришь наверх и быстро забегаешь в дверь! – и мужик выскочил на тротуар, подхватил окончательно сломанный стул и моток красно-белой ленты и понесся к углу здания, где начиналась граница опасной зоны.

– Раскомандовался! Сама разберусь, где ходить! – вслед ему послала ответный залп Инна, но не очень громко, так, больше для самоутверждения.

Она отряхнулась, отметила про себя, что сильно ушибла копчик при падении – теперь долго болеть будет, зараза, – и с достоинством вышла на тротуар, усыпанный грязными ледяными осколками и крошкой. Для того, чтобы выйти на проезжую часть, надо было как-то обойти огромную глыбу льда, которая чуть ее не убила три минуты назад.

Инна огляделась – вроде бы никто ее не видит, тот мужик возится довольно далеко со своей оградительной лентой, и она на четвереньках, совершенно неэстетично, стала обползать эту глыбищу, цепляясь за лед и запоздало ужасаясь тому, что могла бы сейчас лежать здесь расплюснутая в лепешку.

И вдруг в ледяном разломе у нее перед носом мелькнуло что-то яркое и, как показалось Инне, смутно знакомое. Она засунула пальцы в узкую щель и вытащила... ярко-розовый носок с каким-то рисунком, уже догадываясь, что это может означать.

Инна снова плюхнулась на тротуар, забыв о камнепаде и ушибленном копчике, и торопливо расправила носок, положив его на лед. На нее смотрела и подмигивала правым глазом зеленая кошачья рожица с высунутым ярко-красным язычком. Инна оцепенела в ужасе. Она очень хорошо помнила этот носок и события, с которыми он был косвенно связан.

Злобный мужик снова подбежал к сидящей на тротуаре Инне, хотел, видимо, опять начать орать, но осекся, увидев ее расширенные от страха глаза.

– Что? По голове попало? Или шок накрыл? Я вас знаю, мы в инспекции вместе работаем. Давайте, я вас провожу до дверей, в вестибюле в себя придете, – сказал он почти нормальным тоном.

Но Инна продолжала сидеть, привалившись к ледяной глыбе, и тогда мужчина повторил прежний маневр – дернув за руки, привел ее в вертикально-скрюченное состояние и затащил в оконную нишу.

– Плохо стало? – пристально глядя Инне в глаза, сочувственно спросил он.

– Нет... То есть да... Вот это увидела внутри... Я его помню, это Катя у меня взяла... И пропала потом... – Инна глубоко вздохнула и остановила свое бессвязное бормотание.

– Вы кто? – строго спросила она мужчину.

– Да я в инспекции работаю, неделю всего, – ответил тот, вытирая с лица пот. – Заместитель начальника инспекции по безопасности, вот из-за бездействия жилищной службы пришлось самому выходить ограждение ставить. А тут вы...

– Недели три назад у нас пропала сотрудница, – прервала его Инна, поняв в этот момент только то, что это не дворник или работник ЖЭКа, а кто-то из ее инспекции. Она сосредоточилась, стараясь говорить связно и коротко, как на докладе. – Накануне, уходя с работы, я отдала ей свои носки. Было очень холодно, у меня были запасные. Расцветка у них оказалась совершенно дикая, мы посмеялись над этой зеленой кошачьей мордой на розовом фоне, и я ушла домой. На следующий день Катя не пришла на работу и потом не появилась. До сих пор.

Инна перевела дыхание и закончила:

– Носок этот я вытащила из расколовшейся льдины, думаю, что Катя там внутри. Я еще кое-что заметила, когда вы меня оттаскивали.

Мужчина недоверчиво посмотрел на скомканный носок в руке Инны, потом взглянул наверх – не летит ли опять что-нибудь с крыши – и пошел к ледяной глыбе.

Инна следила за его перемещениями. Вот он нагнулся и попытался двумя руками расшатать огромный, почти что отколовшийся кусок в том месте, где Инна вытащила носок, но ничего не вышло – лед был очень крепким. Тогда он огляделся, увидел обломок несчастного разбитого стула, поднял его и стал ковырять в других местах, пытаясь что-нибудь разглядеть.

Видимо, что-то он увидел, потому что бросил свою ковырялку, повернулся к Инне и крикнул:

– Стойте там, сейчас вместе пойдем в инспекцию!

Но Инна же не такая дура, чтобы исполнять команды неизвестно какого мужика, пусть даже и главного по безопасности! Пока он в очередной раз разматывал свою красно-белую ленту – начиная от сломанного стула и дальше к входу в инспекцию – она вдоль стенок, перебежками, поглядывая наверх, добралась до заветной двери и нырнула внутрь, в безопасный вестибюль.

Отдышалась, привалившись спиной к толстой гранитной колонне, украшавшей просторный вестибюль, еще раз расправила в руках мокрый носок и задумалась – куда его деть? Вспомнила, что в сумке у нее есть чистый полиэтиленовый пакет, который она всегда носила с собой, и засунула в него. Потом сняла шапку с вспотевшей головы – хорошо, что сегодня, несмотря на оттепель, надела теплую норковую, все-таки защита от падающих с крыш ледышек, – и отряхнула пальто.

Хлопнула массивная входная дверь, и в вестибюль быстро вошел тот самый мужчина – главный по безопасности, как он представился Инне. Он что-то негромко говорил по мобильнику, на Инну даже не посмотрел, а она-то думала – начнет ругаться, что его указаний не выполняет.

Но, закончив разговор, мужчина резко к ней повернулся – Инна даже вздрогнула от неожиданности – и сказал:

– Вы ведь Инна Владимировна Смирнова, начальник отдела взыскания недоимок в нашей инспекции? Меня зовут Вадим Григорьевич Завьялов, я уже вам говорил – работаю заместителем начальника инспекции по безопасности. Я в силу своей должности знаю весь руководящий состав инспекции, да и вообще всех работников знаю, не так уж много людей у нас числится.

– А я вас не помню что-то, – решила проявить бдительность Инна, – когда меня начальница представляла, все руководство присутствовало, а вас я не видела.

– Я всего неделю работаю, а представляли вас месяца два назад, верно? – раздраженно парировал Вадим. – Потом вам свое удостоверение покажу, в кабинете оставил, когда ограждение пошел выставлять. Уж поверьте пока на слово! – он начал терять терпение, надоело возиться с этой упрямой девицей. – Сейчас сюда приедет служба безопасности из нашего управления, они вызвали полицию и МЧС. Вы пока что идите на свое рабочее место, и я вас убедительно прошу – не надо самостоятельности, когда потребуется, вызовут и опросят.

– И панику в инспекции не поднимайте! – крикнул Вадим уже на ходу и быстро вышел на улицу.

А Инна вдруг вспомнила, что она ведь опоздала на работу в результате всех этих приключений, и понеслась к лифту, благо, желающих подниматься в вестибюле уже не осталось.

«Теперь главное – начальству на глаза не попасться в пуховике и шапке, – думала она, – а дальше по обстоятельствам будем действовать». Как же, станет она на рабочем месте сидеть после всего, что случилось!

Удачно проскочив мимо кабинета начальницы инспекции, Инна влетела в свою комнату и быстро скинула пуховик. Все сотрудницы уже были на месте. «Молодцы какие – и как ухитряются не опаздывать», – позавидовала Инна. За два месяца работы она, как ей казалось, неплохо узнала своих подчиненных и не замечала с их стороны какого-то отрицательного к ней отношения ни как к руководителю, ни как к человеку: не «заложат» же они ее начальству, почти свои люди!

Поколебалась с минуту – говорить, не говорить... Но ведь «безопасник» не разрешил только панику поднимать, а молчать-то не просил.

– Девочки, слушайте, что сейчас было! – не выдержала Инна. – Я на работу бежала, и прямо у меня перед носом с крыши рухнула огромная льдина! Чуть не убила! И она частично раскололась, а я стала ее обходить и увидела внутри носок знакомый, вот этот, – и она потрясла пакетом, – я его Кате отдала накануне того дня, как она пропала. По-моему, она там внутри.

Инна перевела дух. Женщины в комнате молчали, уставившись на нее во все глаза.

– Там был еще при этом наш «безопасник», знаете его? – кто-то кивнул, и Инна продолжала. – Он вызвал всякие службы, они уже, наверное, приехали, а меня прогнал в инспекцию. Но я хочу посмотреть, что там происходит, пойдемте кто-нибудь со мной, а? – и Инна оглядела коллектив оценивающим взглядом, кого взять в поход.

Естественно, захотели почти все. Но оставить отдел без присмотра было нельзя – ведь кто-то должен отвечать на звонки и объясняться с руководством, если оно, не дай бог, нагрянет. Договорились так: если будут искать Инну, Елена Ивановна скажет, что она у программистов – как всем известно, это самое глухое место в инспекции, на звонки не реагируют, дверь в свою комнату открывают по настроению.

Команда любопытствующих во главе с Инной быстро скатилась на первый этаж. Инспекция располагалась только двумя верхними этажами большого старинного и очень необычного здания, плюс еще некое подобие мансарды на самой верхотуре, а три нижних этажа занимали разные городские организации.

Они все имели в своем распоряжении по две-три комнаты, часто переезжали с места на место, перетаскивая по коридорам огромные кипы бумаг, и даже вывески на дверях не меняли – просто приклеивали поверх табличек скотчем название своей службы, напечатанное на принтере и засунутое в прозрачный файл.

Но на первом этаже все же помещалось более крупное заведение, а именно районная служба занятости. Заветное окно, напротив которого полчаса назад происходили все приключения Инны, находилось в самом конце анфилады комнат, в служебном помещении, которое оказалось закрыто.

Пришлось Инне, как руководителю отряда возбужденных пришельцев, озвучить придуманную на ходу версию для начальницы службы занятости, величественной дамы неопределенного возраста:

– Когда бежали на работу, одна наша сотрудница – вот эта (Жанна покивала) – поскользнулась и чуть не упала, и из сумки у нее где-то недалеко от входа в инспекцию выпала записная книжка. А сейчас туда не выйти, хотим посмотреть из окна, как на тротуаре будут разгребать завалы.

Естественно, этот недозрелый плод коллективного разума никого не убедил, но из окон все увидели необычную суету и служебные машины, которые подъезжали одна за другой. Поэтому комнату быстренько открыли и всей толпой приникли к огромному, от пола до потолка, окну. Свет не включали, чтобы с улицы их было не очень видно.

Инна захватила место в первом ряду и смотрела, как люди в форме МЧС какими-то инструментами откалывают куски льда от глыбы, потом, наверное, что-то им стало понятно, и они отложили крупные ледорубы и стали действовать более деликатно.

А потом Инна увидела, что в черный пластиковый мешок кладут тело женщины. Мелькнули вроде бы светлые волосы и яркий свитер, похоже, это действительно была Катя.

– Какой кошмар! Женщину льдом придавило, ведь это же кто угодно из нас на ее месте мог быть! – с ужасом сказала начальница службы занятости.

Инна не стала ее переубеждать, сделала знак своим, чтобы не возражали. Пусть пока живет в здании такая версия происшедшего, а им надо уходить, и побыстрее, наверняка сейчас к ним в отдел придут с вопросами.

Едва отряд сотрудников отдела недоимки ввалился в свои комнаты (комнат им выделили целых четыре – три смежных, представляющих собой некую анфиладу с одним входом, и одну совсем маленькую отдельную), как на пороге возник Вадим и раздраженно сказал:

– Я же просил вас, Инна Владимировна, быть на месте! Пойдемте к начальнице, нас там ждут. Носок, который вы нашли, у вас?

Инна молча потрясла пакетиком со своей жуткой находкой, и они пошли к руководству. Вадим искоса поглядывал на нее, понимая, что она нервничает, и попытался немного успокоить:

– Вы только не переживайте, Инна, поймите, там все в шоке – девушку столько времени ищут, а она чуть ли не на своем рабочем месте почти месяц лежит. Постарайтесь не обращать внимания на резкий тон...

– Не надо меня лечить! Я совершенно спокойна! – тут же оцетинилась Инна. – Вы на меня уже сегодня столько наорали, что никакие другие «оратели» не подействуют.

Вадим засмеялся, и Инна тоже улыбнулась, почувствовав к нему некоторую благодарность: вроде как он взял ее под свое покровительство.

В кабинете Аллы Игоревны уже сидело человек пятнадцать хмурых мужчин, а сама начальница вместе с Валечкой, исполнявшей обязанности секретаря, сустилась около кофеварки. На ее обычном месте – за массивным письменным столом – расположился самый неприятный на взгляд Инны тип: худощавый мужчина лет сорока-сорока пяти в заношенном костюме с темной рубашкой, с пронзительными недобрыми глазами на помятой бледной физиономии. «Пьет, наверное», – сразу определила Инна.

– А может, просто не выспался, – тихонько прошептал Вадим, покосившись на Инну и безошибочно угадав ее мысли.

– Вы меня пугаете, хватит уже! Тоже мне, телепат! – злобно прошипела в ответ Инна.

Ее пригласили «присаживаться», и она заняла единственный свободный стул в непосредственной близости от противного мужика, сидящего во главе Т-образного стола. Вадим строился где-то в самом конце, почти у двери не очень просторного кабинета.

Мужик впился в Инну своими колючими глазищами и сразу ошарашил вопросом:

– Каким образом вы оказались в непосредственной близости от трупа вашей сотрудницы Екатерины Анисимовой и как вы сумели столь быстро определить его местонахождение? Вы ранее предполагали, где он может находиться?

Инна не ожидала такого напора. Ее что, подозревают в убийстве и заморозке Кати? Хотела взорваться в ответ, но вовремя вспомнила о предупреждении Вадима – не реагировать на резкости, поскольку никакой ее вины в происшедшем нет и быть не может. Из этого и исходить.

И она спокойно ответила:

– Я шла на работу, как обычно, к девяти часам утра. Было очень скользко из-за начавшейся оттепели, и я немного задержалась по пути от станции метро, очень торопилась и не слышала окрика нашего сотрудника, который устанавливал ограждение зоны падения наледи с крыши.

И вдруг огромная глыба льда упала прямо передо мной, я поскользнулась и упала. Подбежал Вадим... Григорьевич – извините, отчество могу перепутать – и помог мне отойти в безопасное место. Сход льда с крыши продолжался, и я хотела перебежать на проезжую часть улицы, чтобы дойти до входа в инспекцию.

А когда я начала пробираться мимо этой глыбы льда, заметила в трещине что-то цветное, тряпочку какую-то, вытащила и поняла, что это носок, который я отдала когда-то Кате во время сильных холодов, по ее просьбе. Сказала об этом Вадиму Григорьевичу. Все.

– Все? – грозно спросил мужчина, продолжая буравить ее взглядом. – Вы сразу предположили, что ваша находка связана с пропавшей сотрудницей. Что, вы почти месяц помнили про этот носок? Кстати, где он?

Инна уже израсходовала весь свой запас спокойствия, поэтому она подняла пакетик с носком, покачала им перед носом вопрошающего, а когда он протянул руку, чтобы взять пакетик, быстро положила его перед собой на стол и прикрыла руками.

Воцарилась тишина, даже начальница с секретаршей перестали греметь чашками, и все уставились на Инну. Она отчеканила:

– Вы не представились. Как я понимаю, этот носок является уликой, и я могу передать его только должностному лицу под роспись, с указанием времени и места этой передачи.

Мужик вздохнул, наконец-то отвел взгляд от Инниной физиономии, побарабанил пальцами по столу и сказал нормальным тоном:

– Я старший следователь районной прокуратуры Петров Николай Вениаминович. Удоверение я предъявлял вашему руководству. В отчете об опросе сотрудников инспекции, который я сейчас и провожу, я обязательно укажу все эти данные. Устраивает? А на вопрос ответьте, пожалуйста.

«Совсем другое дело», – удовлетворенно подумала Инна и ответила:

– Устраивает. Носок я помнила очень хорошо, и вот почему: этой осенью я купила его в сетевом магазине, на распродаже, их продавали очень дешево по две пары носков одинаковой расцветки по цене одной пары.

Одну пару отдала Кате, а вторую оставила себе, они у меня до сих пор в столе лежат на всякий случай. Точно такой же жуткой расцветки, ярко-розовые, то ли с голубой, то ли с зеленой кошачьей мордой, мы еще тогда посмеялись – у китайцев нормальные краски кончились, лепят из того, что осталось на складах.

Следователь снова сделал осторожное движение, как бы приглашая Инну все же отдать ему пакетик с носком, и Инна с важным видом положила его перед ним на стол.

Тут опытная начальница начала расставлять перед заседающими чашки с кофе и открывать коробки с конфетами, извлекаемые из шкафов, и, спросив следователя, можно ли отпустить сотрудника, кивнула Инне – уходи, пока они все добрые.

Инна выскочила из кабинета и понеслась к себе в отдел. Медленно ходить она не умела, из-за чего на крутых поворотах, которыми изобиловало здание инспекции, часто сталкивалась с другими обитателями своего учреждения.

Но в этот день встречные пострадавшие не возмущались и не ворчали, а наоборот, пытались вцепиться в Инну и задержать ее для выяснения обстоятельств происшествия, о котором по инспекции уже поползли слухи. Инна отбивалась, наживая себе лютых врагов, и сумела-таки довольно быстро добраться к себе.

Все сотрудники отдела недоимки столпились вокруг стола Елены Ивановны, которая не участвовала в вылазке на первый этаж и ничего не знала. Когда в кабинет влетела Инна, к обществу присоединились еще двое членов коллектива – лица мужского пола, редкие птицы в этом заведении, Ким и Рэм, обычно тихо сидящие в своей отдельной комнате.

Ким, обладатель характерной азиатской внешности, был всегда серьезен и немногословен, а Рэм просто был глух как пень. Он при необходимости пользовался слуховым аппаратом, но обычно держал его выключенным с целью экономии заряда аккумулятора.

Сейчас этот допотопный прибор был включен на всю катушку, поэтому в комнате стоял громкий вой, от которого у всех начиналась ломота в затылке. Зато Рэм, по-видимому, слышал хорошо.

– Что у тебя спрашивали? Там действительно Катя была? Как она умерла? Нас всех допрашивать будут? – Инну засыпали вопросами, на которые она, как и все остальные, не знала ответов.

Естественно, обсуждение события продолжалось до самого обеда, но никто даже предположить не мог, каким образом Катя попала на крышу здания и, главное, за что ее убили? Или она сама зачем-то залезла туда и замерзла насмерть в одном свитере?

Инна очень мало успела пообщаться с Катей до ее таинственного исчезновения и могла сказать про нее совершенно точно только одно: Катя была очень красивая и умная, редкое сочетание для девушки, выбравшей государственную службу. К работе относилась очень ответственно и, главное, с интересом.

Стали вспоминать, что успели узнать о Кате за то недолгое время, которое она проработала в отделе. Сведений было немного, близких друзей Катя завести не успела, потому что переехала в инспекцию всего месяцев пять назад из другого района.

Жанне она причину перевода объяснила так:

– Учусь в финансовом институте, и два раза в год мне нужно на месяц брать отпуск, чтобы ходить на очные занятия и сдавать экзамены. В моей предыдущей инспекции начальник категорически не хотел никого отпускать на такие длительные сроки. А учиться мне остается еще целых два года, поэтому пришлось переводиться.

Жанна сама еще недавно прошла все эти трудности, закончила тот же финансовый ВУЗ и была очень благодарна начальнице инспекции Алле Игоревне за то, что она без лишних вопросов подписывала все приказы на учебные отпуска, считая, что желание учиться надо всячески поощрять.

– А где Катя жила, кто знает? – спросила Инна, которая помнила только то, что по месту официальной петербургской прописки Катю не нашли, когда начали ее искать после пропажи.

Ее жильем оказалась крошечная комнатка на самом краю города, где-то в Петродворце, которую Катя разрешила занять соседям по коммуналке, что они с удовольствием и сделали. Все немногие оставленные Катей вещи помещались в небольшой шкафчик, а сама она, по словам многочисленных обитателей обширной квартиры, уже как минимум месяца три там не появлялась.

Ира, стол которой располагался рядом с Катиным, неуверенно сказала:

– Жилье Катя вроде бы снимала или, может, жила в квартире своего жениха. Я иногда слышала ее разговоры с каким-то мужчиной о покупке продуктов и хозяйственных мелочей, ну, типа жидкости для мытья посуды и порошка для стирки.

Кое-какими сведениями о женихе располагала Елена Ивановна: вроде как это начальник районной налоговой инспекции, из которой к ним перешла Катя:

– Парфенов его фамилия, мне знакомые из той налоговой рассказывали. А Катя избегала разговоров на эту тему, но проговорила как-то, что планируется свадьба, которая откладывается по каким-то причинам. Возможно, из-за недавней смерти Катиной мамы от онкологии.

Вот о деталях этой трагедии Катиной жизни женщины были более-менее осведомлены. Катя очень переживала болезнь, а потом и смерть мамы, часто была вынуждена уходить с работы, отработывая потом вечерами свои прогулы, и делилась с сотрудницами многими подробностями.

Елена Ивановна знала больше других:

– Мама ее, как говорила Катя, очень была привязана к своему молодому и красивому сожителю и больше всего на свете боялась его потерять. Поэтому довела свою онкологию до последней стадии, ходила к бабкам каким-то, сектантам-целителям и попала в больницу, только когда уже грудь буквально гнить начала и метастазы по всему организму пошли.

Жанна и Ира наперебой стали делиться известной им информацией:

– Катя только тогда об этом, ну, о раке в последней стадии, и узнала. А сожитель сразу свалил, исчез в неизвестном направлении. Катина мама снимала комнату, где они вместе с ним жили, родственников никаких здесь нет, бабка и дед совсем старые, вроде бы где-то на севере живут в деревне.

Катерина металась по клиникам, но нигде оперировать ее маму не брались – слишком все было запущено и безнадежно. В конце концов ей где-то все же сделали операцию, видимо, за деньги, и отправили домой умирать. С месяц еще женщина промучилась, и все. Катя одна осталась.

– Я и не знала... – пробормотала Инна.

– Так это все еще до вашего прихода к нам происходило, – сказала Елена Ивановна.

Больше ничего существенного вспомнить не удалось. Ну, молодые девчонки, конечно, завидовали Катиной красоте, да еще и одевалась она всегда ярко и современно. Но особо дорогих вещей припомнить не смогли, Катя многое покупала на всяких распродажах, частенько даже в «Апрашке», и этого вовсе не скрывала.

«Апрашкой» петербуржцы называют огромную торговую территорию старого Апраксина Двора, ныне застроенную разномастными ларьками вперемежку со старинными, уже частично разрушающимися, корпусами. Торговали там в основном приезжие из разных азиатских стран и с Кавказа.

Денег у Кати было мало, она вроде где-то подрабатывала, но это как раз был ее секрет – работа в налоговой инспекции исключала такие возможности, за этим строго следили.

– Вот, правда, сапоги незадолго до того... ну, до исчезновения, она купила, очень красивые, – вспомнила Ира. – На высоком каблуке и с цепочками такими, они еще позвякивали при ходьбе. Где достала и почему – не говорила.

Сапоги... Инна сразу вспомнила про носок, значит, Катя в льдине лежала без сапог и без пуховика. И что это может означать? Ограбили? На крыше? Катины сапоги Инна тоже помнила хорошо, у них был такой же высоченный тонкий каблук, как и у ее ненавистных пыточных колодок. И главное, свои-то собственные сапоги она и купила под впечатлением от Катиных.

Наступило время обеда, который все женщины обычно проводили на своих рабочих местах. Из-за отсутствия в здании даже какого-либо подобия буфета приходилось каждый день таскать на работу контейнеры с незатейливой едой типа сосисок с макаронами и разогревать в

микроволновке, которую сотрудники наконец-то приобрели на свои деньги, с последней премии.

Чайник Инна купила в качестве вступительного взноса, до этого разжигались кипятком в соседнем богатом отделе выездных проверок – инспекторов-выездников все равно почти никогда не бывало на месте. В хорошую погоду Инне удавалось выскочить ненадолго на улицу, пробежаться по окрестностям и полюбоваться «открыточными» видами старого Петербурга.

В начале своего «царствования» Инна пыталась уговорить кого-нибудь из сотрудниц выходить в обед на улицу, хотя бы минут на пятнадцать, но все предпочитали или подремать на рабочих местах, или почитать, а иногда поболтать за чашечкой кофе – после зарплаты обычно покупали банку растворимого на весь отдел.

А вот таинственные Ким и Рэм в обед ничего не разогревали и ровно в двенадцать выползали из своей комнаты, ключ вешали на гвоздик и исчезали на все обеденное время. Куда ходили, где питались – никто не знал. Инна во время своих пробежек по окрестностям ни разу их не встретила.

При вступлении в должность и знакомстве с коллективом она не смогла понять, какой работой могут заниматься в отделе эти двое. Ким имел должность инспектора и солидные очки, Рэм числился специалистом и имел слуховой аппарат.

Как выяснилось, у него была настоящая подтвержденная инвалидность, и по этой причине он являлся очень ценным кадром: определенный процент инвалидов обязано было трудоустроить любое государственное учреждение, и руководство его ценило и берегло.

Что и было очень четко разъяснено неопытной начальнице Инне опытной начальницей инспекции, после чего Инна поняла: состав работников отдела она должна принять как данность и работать с теми, кого дают, а не «кочевряжиться», как выразилась Алла Игоревна.

Но в этот день Инна на улицу в обед не пошла. Сидела за своим столом, жевала безвкусные пельмени из контейнера, которые сварила дома вчера вечером и разогревала в микроволновке. Пила отвратительный чай, заваренный из безымянного вонючего пакетика – интересно бы посмотреть, что эти китайцы, или кто там теперь чай делает, туда закладывают? Или это бумага такой мерзкий запах дает?

Инна думала. Она знала, что не сможет, в силу своего беспокойного характера, пустить все на самотек и оставаться просто наблюдателем в ходе расследования по Катиному делу. Ведь это не зря именно у нее в руках оказался этот носок – ключик, намек, призыв с того света... И ледяная глыба с Катиным телом чуть ее не убила, но не убила же! Так что все не зря.

«Надо как-то вклиниться в следствие, но как это сделать? – размышляла Инна. – Кроме моего вызова в кабинет начальницы, больше никого из отдела не опрашивали. Видимо, полиции достаточно тех материалов, которые собрали три недели назад, когда начались поиски Кати. Ведь что-то следствие тогда выяснило, но что? Как, как узнать?»

Инна задумалась так глубоко, что не заметила появления в комнате Вадима, который тихо, чтобы не беспокоить дремлющих за своими столами сотрудниц, подошел к ее столу и деликатно покашлял.

Нет реакции, взгляд отсутствующий, кружка с чаем прижата к щеке...

– Инна, с вами можно поговорить? – сделал он следующую попытку.

Инна вздрогнула от неожиданности, крепкий чай выплеснулся на стол, залил бумаги и быстрым коричневым ручейком побежал к краю, норовя поживиться Инниной новой юбкой. Она взвизгнула, вскочила на ноги и отбросила в сторону стул, чтобы обеспечить себе место для маневра.

– Вы что меня опять пугаете! С утра начали, и вот опять! – зашипела она злобно, но, взглянув на Вадима, засмеялась.

Тот стоял со стулом наперевес, с несколько растерянным видом, прижавшись к стене тесного Иннинного закутка.

– Опять стул. Мистика какая-то, – прокомментировал происходящее Вадим. – «Хотели как лучше, получилось – как всегда. Никогда такого не было, и вот опять». Бессмертные высказывания классика здесь очень уместны. Извините, я не хотел вас напугать.

Инна уже успокоилась, достала тряпку и начала вытирать лужу на столе. Юбка не пострадала, в отличие от бумаг, но это ерунда, наплевать на них. Есть проблемы поважнее.

«Это судьба! Он же главный по безопасности, наверняка будет в курсе хода расследования! – осенило вдруг Инну. – Вот он, вход в лабиринт! И к тому же сам пришел! Кстати, зачем он пришел?»

И она примирительно сказала:

– Со мной иногда бывает такое – если о чем-то глубоко задумаюсь, то совершенно отключаюсь от действительности. В работе иногда помогает, а по жизни – наоборот, как видите.

И не удержалась:

– Стульчик-то поставьте, или уж на голову надевайте, вам идет.

«И зачем ядовитничаю, что у меня за язык такой неудержимый! Сама союзника ищу и издеваюсь, где здравый смысл и холодная голова расследователя преступления?» – тут же отругала себя Инна и постаралась навесить на лицо приветливое выражение.

Вадим поставил стул и, не обращая внимания на Иннины «подколы», спокойно сказал:

– Инна, я пришел с вами поговорить об этом... ну, вы понимаете, о чем. О Кате об этой, об обстоятельствах тех дней, когда все началось. Я-то человек совсем новый в инспекции, вы тоже недавно работаете, но все же застали и Катю, и сотрудников своих успели узнать, в отличие от меня. Очень странное происшествие, тем более в таком учреждении.

– Да и у меня из головы Катя не выходит, – отозвалась Инна, очень довольная таким поворотом, – конечно, я многие подробности уже забыла, но, в свете последних событий с моим участием, надо все заново переосмыслить. А следовательно что сказал?

– Николай Петров, который вас опрашивал, – следователь прокуратуры. Он выносит постановление о том, что надо возбудить дело, а расследовать будет Следственный комитет. Ну, и прокуратура тоже будет участвовать в расследовании, Петров просил ему помогать и обещал держать меня в курсе.

Инна уселась на свой стул, Вадим оседлал «гостевой», стоящий вплотную к Иннинному столу.

– Давай сразу на «ты», а? – вдруг предложил он. – Ведь вместе работать будем, хоть по убийству, хоть по... по... основной работе.

– Давай, – сразу согласилась Инна. Вадим ей понравился, и она уже прониклась к нему доверием. Но кое-что решила сразу уточнить. – А ты у нас в инспекции откуда взялся? Из спецслужбы? Обстановку и настроения в коллективе «наверх» докладывать будешь?

– Да ты что! – возмутился Вадим. – Я бывший военный, ни к каким спецслужбам отношения не имею. Уволился из армии, на военной бирже труда предложили здесь работать, я согласился.

Правда, сейчас уже понял, что знаний у меня маловато: надо и сети связи – внутреннюю и внешнюю – прокладывать, и сигнализацию, и видеокамеры, и главное – информационную безопасность обеспечивать. С этим вообще «кранты»: всякие эти серверы, диски, флэшки и пароли – для меня пока темный лес.

Сижу вот в кабинете, читаю, в Управление езжу на обучение. А ты ведь сюда из другой инспекции перешла? – в свою очередь поинтересовался Вадим.

– Ну да, с повышением в должности, – кивнула Инна. – Там была главным налоговым инспектором, сюда пришла начальником отдела. Совсем другая работа, там мне, вообще-то,

больше нравилось. Если не утвердят после испытательного срока – уйду без сожаления в свободный поиск.

– Нет уж, давай поработаем, – засмеялся Вадим. – Надо упорство проявлять, а то что это такое – «уйду»? Ты с твоим характером не можешь так бесславно покинуть поле боя.

– Это когда же ты успел оценить мой характер? – мгновенно взвилась Инна.

– Так я же тебя уже «в деле» видел, и под обстрелом, и на допросе с пристрастием.

– И как, – заинтересовалась Инна, – в разведку возьмешь?

– Только под моим командованием. Ты слишком горячая и непредсказуемая для оперативной работы, будешь аналитикой заниматься, – совершенно серьезно ответил Вадим. – Да шучу я, не видишь, что ли – шучу, ты уже приготовилась меня пинками выгнать за слова о командовании. Вот это твой характер и есть.

Они помолчали.

– Скоро обед закончится, работать надо. – заметил Вадим. – Ты как насчет того, чтобы вечером после работы домой вместе пойти и поговорить? Можем зайти в кафе какое-нибудь.

Инна молчала. И он спросил напрямую:

– Тебя дома ждут? Не можешь задерживаться?

– Сегодня не ждут, – неопределенно ответила Инна. Не открывать же все карты сразу. Впрочем, он же личное дело наверняка видел. – А тебя?

– Меня никто не ждет, живу один, в коммуналке на Загородном. Я вообще-то из Новгорода, там родители живут. Жилье здесь купил, когда из армии уволился. – ответил Вадим. – Так что, зайду вечером за тобой?

– Ну, давай. – согласилась Инна.

– А ты все же постарайся вспомнить все подробности того дня, три недели назад, когда последний раз эту Катю видела, – напоследок попросил Вадим и ушел.

Инна задумалась. Работа не лезла в голову, кто-то звонил, подходили сотрудники с какими-то вопросами, но все это было как-то неинтересно. Мысли крутились вокруг того дня, три недели назад...

Три недели назад на Петербург неожиданно обрушились тридцатиградусные морозы. Такое происходит в городе далеко не каждую зиму, обычно все обходится неделей-другой десятиградусной «стужи», но петербуржцев не так-то просто застать врасплох: мигом повытаскивали из кладовок шубы и дубленки и как ни в чем не бывало потрусили на работу.

Инна тоже с вечера достала из шкафа шубку, которую очень любила, но надевала редко – в метро в ней очень жарко, а большая часть пути на работу пролегает именно через метро. Сапоги удобные, теплые, шапка тоже меховая, так что эта усиленная экипировка выдержит любые морозы.

Рабочий день закончился, и Инна вместе со всеми пошла домой – редкий случай, обычно она и частенько еще кто-то из сотрудников задерживались для ликвидации каких-нибудь «хвостов». Отчетности наваливалось очень много, а в налоговой действовал суровый закон: за все «головой» отвечает начальник отдела, если в срок не справились подчиненные – делай сама, хоть без пяти двенадцать ночи отправляй в Управление материалы.

Инна вошла в теплый вестибюль метро и вклинилась в плотную толпу у турникетов. После быстрой ходьбы по морозу сразу стало жарко. Инна стащила с головы теплую шапку, рассыпав по плечам темные пышные волосы, и в этот момент почувствовала на себе чей-то заинтересованный взгляд.

Крутить головой она, естественно, не стала, но через некоторое время поняла, что на нее пристально смотрит какой-то высокий мужчина, спускающийся параллельным курсом на соседнем эскалаторе.

В общем-то, дело обычное, с Инной часто пытались познакомиться разнообразные представители мужского пола, но у нее за последний год выработался стойкий рефлекс отторжения таких контактов. Хватило трех лет неудачного замужества, тоже начавшегося со знакомства в метро и бесславно завершившегося разводом.

В нижнем вестибюле мужчина пробился сквозь толпу и в результате некоторых маневров оказался рядом с Инной, которая делала вид, что ничего не замечает. Вступление оказалось вполне стандартным:

– Девушка, разрешите с вами познакомиться? – произнес мужчина, на ходу пытаясь заглянуть Инне в лицо. – Остановитесь, пожалуйста, за вами не угнаться! На одну минуту! Я уже три дня пытаюсь вас поймать на этой станции, но не успеваю! Пожалуйста!

Инна повернула голову, чтобы решительно отказаться, но что-то ее на этот раз удержало – то ли настроение было шальное-боевое после очередного бурного совещания в инспекции, то ли... то ли он ей с первого взгляда понравился: открытое мужественное лицо, широкоплечий, темноволосый, высокого роста, примерно Иннинного возраста, не «старпер» и не юнец патлатый с наушниками (и такие к ней подкатывались, выглядела она намного моложе своих лет).

«Глаза у него красивые, серые, и лицо загорелое – интересно, где он зимой солнце нашел?» – отметила про себя Инна, бросив заинтересованный взгляд на настойчивого преследователя.

Она все же остановилась у колонны. Ну что такого может случиться, если поговорить одну-две минуты с симпатичным незнакомцем?

«Не убудет от меня, послушаю, что скажет, а то совсем форму потеряла, скоро вообще общаться с мужчинами разучусь», – подумала она.

– Меня зовут Михаил, – торопливо заговорил мужчина, – я в Питере в командировке, увидел вас здесь наверху три дня назад, но не догнал. Следующие два дня тоже неудача – по часу ждал, но, видимо, пропустил, или Вы в другое время ехали. Отчаялся уже, и вот сегодня повезло! Я понимаю, петербургские красавицы в метро не знакомятся, но, пожалуйста, сделайте исключение! Я приглашаю вас завтра в театр, это же вас ни к чему не обязывает, правда? У меня и билеты есть, – и парень полез во внутренний карман и вытащил два билета.

Инна взглянула мельком – действительно, в Пушкинский на завтра.

– Что, ваша дама отказалась с вами пойти? – холодно спросила она.

– Что вы! – горячо протестовал Михаил. – Честное слово, как я вас тогда увидел, стал думать, как познакомиться, и вот придумал – в театр пригласить. Сразу и купил эти билеты, не хотите в Пушкинский – скажите, куда... Я приезжий, плохо ориентируюсь в Питере, знаю только Мариинский и Пушкинский.

«Может, правду говорит? – подумала Инна. – А если и врет, какая разница... Вчера и позавчера я действительно только в половине восьмого в метро попадала, а три дня назад вроде в это же время с работы ехала. Сто лет в театре с мужчиной не была, рискну!»

– Хорошо, – улыбнулась наконец она. – Тогда завтра в это же время наверху?

– Ура! Спасибо! – обрадовался Михаил. – А как вас зовут?

– Инна, – ответила она и быстро запрыгнула в открытую дверь подошедшего поезда.

– Инна, подождите! Телефон! – двери закрылись, парень остался на платформе, не успев протолкнуться внутрь вагона за Инной.

Она помахала ему рукой и поехала домой в приподнятом настроении.

«Так, завтра в театр. Платье есть, туфли... Нет, переодеваться в театре неохота, с незнакомым мужчиной эту возню разводить, – думала Инна. – А сапоги у меня так себе, старые и некрасивые». И, прежде чем мозг пришел к решению, что срочно надо купить новые сапоги, ноги сами вынесли ее из вагона на следующей остановке, невзирая на недовольные взгляды и ворчание пассажиров.

Это оказалась станция «Достоевская», очень удачно! «Здесь полно обувных магазинов, сейчас что-нибудь подберу», – обрадовалась Инна и побежала к эскалатору. Пока поднималась наверх, пыталась прикинуть в уме, какую сумму из оставшихся от последней зарплаты денег она может без особого ущерба потратить на покупку. Выходило, что никакую лучше не тратить, еще неделю жить надо на что-то.

«Наплевать, может, премию дадут. Или у мамы прокормлюсь. И вообще, „я подумаю об этом потом“» – решила Инна, процитировав мысленно слова Скарлетт из «Унесенных ветром».

Но все же она достала мобильник и посмотрела – что там на карте в остатке. «Да, негусто, но есть же еще заначка наличными, в общем, выкручусь как-нибудь», – думала Инна какой-то частью своего женского мозга, а основная умственная деятельность в данный момент протекала в русле «платье надеть или кофточку с черной юбкой» и «сапоги нужны вроде Катиных, тогда точно можно с короткой юбкой».

Длинный подъем из земных недр наконец закончился, и Инна выскочила на поверхность. Долго раздумывать было некогда: мороз крепчал, все торопились забежать в метро или в магазины, и она припустила на Владимирский, подумав при этом, что надо было бы лучше повернуть направо, на Загородный, там более дешевые магазины.

Но поздно, поздно думать! Вот уже сразу попала на глаза сияющая витрина магазина итальянской обуви, а вот и дверь, за которой тепло, и симпатичные продавщицы только и ждут именно ее, Инну.

– Здравствуйте! Вам помочь? Что вас интересует? У нас распродажа зимней обуви, пожалуйста, выбирайте, на ценники не смотрите, на все сапоги скидки, – затараторила одна из девушек.

Инна кивнула в ответ и окинула взглядом полки. Море красивых сапог на шпильке, но из всей этой массы глаз сразу выхватил пару высоких красавцев с какими-то блестящими стразами на голенище. Инна спросила:

– А сколько вот эти сапоги стоят? Дайте, пожалуйста, тридцать седьмой размер примерить.

Продавщица метнулась в подсобку и быстро выскочила с огромной коробкой, в которой был только один сапог.

– Вы знаете, а это единственная пара, последняя, – извиняющимся тоном сказала она. – Размер тридцать семь с половиной, может, подойдет? Сделаем скидочку, примеряйте!

Инна натянула левый сапог. Вроде в самый раз. Надела второй, подошла к большому зеркалу и распахнула шубу, чтобы полностью увидеть на себе всю эту невероятную итальянскую красоту. Зеркало висело между большими витринными окнами, и Инна видела, что некоторые прохожие замедляют шаг, глядя на нее, такую высокую, стройную и красивую в этих сапогах (как она про себя думала в этот момент).

Продавщица не торопила Инну с решением, понимая, что с каждой минутой покупательница увязает все глубже в болоте страстных желаний, еще немного – и клиент созреет. Тут как раз очень вовремя (и не вовремя для Инны) в магазин запорхнули две девчонки и зачирикали:

– А у вас есть еще такого типа сапоги, как на девушке? Со стразами? Ну или еще бывают с цепочками всякими?

Продавщица с сожалением констатировала, что это последняя пара, и вот если девушке они не подойдут, тогда...

– А стоят они сколько? – спросила одна из девчонок.

Услышав ответ продавщицы, Инна обмерла. Весь ее бюджет, включая наличку, улетал в пропасть, на дне которой маячили итальянские сапоги. А тут еще одна из противных девчонок, изображая знатока, уточнила:

– Это ведь настоящий «Мирочелло»? Не Китай?

– Настоящий, конечно. – возмутилась продавщица. – У нас фирменный магазин, прямые поставки!

Инна решила. Какие-то девчонки так запросто могут купить настоящего «Миро-челло» (или как его там), а она, начальник отдела, не может! Как она с этим будет жить?

– Я беру сапоги, – небрежно сказала Инна. И, покосившись на девчонок, добавила, – вы обещали скидку, какая будет итоговая сумма?

Продавщица побежала к компьютеру, поговорила с «главной» – красивой солидной женщиной – и, вернувшись, назвала цену немного ниже первоначальной. «Как раз эта их скидка мне на завтрашний обед и останется», – подумала Инна.

Дотащив до дома огромную легкую коробку (действительно, качественную кожу использовали итальянцы), Инна первым делом переделалась в задуманный еще в магазине завтрашний костюм для похода в театр – короткую обтягивающую юбку и красивую трикотажную кофточку винно-красного цвета, которая ей очень шла. Натянула сапоги, «процокала» в прихожую и включила там все имеющиеся в наличии светильники.

Результат превзошел все ожидания: большое зеркало, занимавшее целую дверцу шкафа-купе, отразило стройную длинноногую красотку с царственной осанкой, которую ей каким-то образом придавали эти удивительные сапоги.

«Жизнь-то налаживается! Завтра в театр, ура!» – думала Инна, вертясь перед зеркалом и пребывая в прекрасном настроении от своей внешности и от всего, что с ней произошло за последние полтора часа.

Наутро в городе стало еще холоднее. Возможно, это просто за сутки промерзли до самой глубины все камни, кирпичи и бетонные плиты, из которых состояли дома и набережные Петербурга. Мама как-то рассказывала Инне, что в ее детстве один одноклассник, которому она вроде как нравилась, провожая ее после школы в сильный мороз, уговорил лизнуть металлические перила на мосту через Фонтанку.

– И ведь сам, паршивец, лизал, и ничего! – возмущалась мама, в очередной раз переживая события сорокалетней давности. – А я лизнула, и язык примерз, испугалась ужасно, дернулась – оторвался кусочек кожи, или что там на языке у человека. Было очень больно и обидно, пошла кровь и язык долго болел. А Борька убежал, трус несчастный!

Все это она Инне рассказала, как пример – чего делать нельзя, и зря. Инна проверила: язык прилипает, если лизать медленно, а если быстро, то ничего не будет. Маме про свои опыты не сказала.

День на работе прошел замечательно: все восхищались Инниным «экстерьером» и спрашивали, куда это она собралась? А она напускала на себя загадочный вид и посмеивалась и только своим девчонкам в отделе в конце дня открывалась:

– Я сегодня в театр иду, задерживаться на работе не буду. А у вас как дела с отчетами? Целых два завтра до обеда в управление отправить надо, помните?

Жанна ответила:

– Я задержусь, у меня отчет «4–ОР» не готов. Вот с Катей данные не «быются», у нее тоже завтра срок подходит.

– И я тоже останусь, Жанке помогу! – вставила Ира. – Мне свою лабораторную для института еще оформить надо, днем некогда было.

– Катя, а ты как? Можешь посидеть часик после работы, с Жанной все согласовать? – спросила Инна.

– Да я так и собиралась сделать, мы же с Жанной договорились уже, – ответила Катя. – Доработаю свой «4–РЕС» так, чтобы у нас с ней в отчетах цифры в контрольных суммах совпадали, сверимся, и пойду домой. Только не знаю, как до дома доберусь – ноги утром в этих

сапогах замерзли ужасно, а мне на остановке стоять, может, придется. Ты в своих итальянских не замерзла?

– Да нет, мне вроде негде было особо мерзнуть, – пожала плечами Инна.

– Ну да, метро здесь рядом, а после театра, небось, на такси поедешь? – вмешалась в разговор Ира, с любопытством поглядывая на Инну.

«Вот провокатор мелкий, назло ничего не скажу!» – решила Инна и молча улыбнулась, полуприкрыв глаза веками с тщательно накрашенными ресницами. Потренировалась перед свиданием. «Может, и правда на такси домой поеду», – размышляла она.

– Катя, а хочешь, я тебе носки дам новые, у меня в столе лежат на всякий случай, – осенило вдруг Инну. – А то вдруг простудишься, холод-то зверский.

– Ой, конечно, хочу, давай скорее, у меня и сейчас уже ноги мерзнут! Я тебе потом новые куплю, отдам, – обрадовалась Катя.

– Да не надо, у меня две пары одинаковых носков универсального размера ужасной дикой расцветки. Купила на распродаже «два товара по цене одного», – ответила Инна, роясь в нижнем ящике стола. – Вот, если не испугаешься зеленой кошачьей рожи, когда сапог снимешь, то дарю. Может, они линяют, не проверяла еще.

– Да какая разница, подумаешь, расцветка! – обрадовалась Катя. – Спасибо большое, классная морда на розовом фоне. Замечательные тепленькие носочки!

И она тут же натянула их на ноги и потопала сапогами, звякая цепочками – вроде не слишком тесно.

В шесть часов Инна распрощалась с оставшимися работать Ирой, Жанной и Катей и направилась к метро. Мороз к вечеру усилился, к нему добавился ледяной, пробирающий до костей ветер, но Инна не замечала этих мелких гадостей: впереди маячил приятный вечер в театре, и она, такая красивая, молодая и успешная, летящей походкой шла, вполне возможно, на встречу со своей судьбой.

Вот и метро. Инна немного потолкалась в пробке на входе и, стараясь сохранять вид интеллигентной дамы, а не заполошной домохозяйки или, не дай бог, слишком деловой мымры, не спеша вплыла в вестибюль станции.

Огляделась. В небольшом пространстве у входных дверей по стенкам никто не стоит, негде там стоять, в час пик снесет толпа пассажиров. Конечно же, Михаил ждет ее у касс. Кассовый зал и турникеты на Спасской расположены за небольшим поворотом, и, когда Инну туда, наконец, вынесло, ей сразу стало понятно: никто ее не ждет. Нет никакого Михаила.

Кровь бросилась Инне в голову, в глазах потемнело. Она с трудом пробилась через плотную толпу к ближайшему кассовому окошку и остановилась у стенки. Немного пришла в себя и еще раз обвела взглядом вестибюль – несколько человек переминались у стен, поджидая кого-то, но Михаила среди них не было.

Торговцы и торговки с мозаичных панно, украшавших станцию, насмешливо пялились на Инну, единственный узнаваемый персонаж – Пушкин в огромном цилиндре – будучи изображенным в профиль, не обращал на нее никакого внимания, и только лиловый кот из-под лавки с товаром смотрел на растерянную Инну сочувственно-философски своими круглыми желтыми глазами.

«Так, надо уходить, сейчас кто-нибудь из наших с работы пойдет, стыда не оберешься», – металась в голове у Инны панические мысли. Она, забыв про опрометчиво принятый ею образ «интеллигентной молодой дамы», рванула к выходу навстречу толпе входящих пассажиров.

Продвигаться не удавалось, даже работая локтями, и, только когда совершенно несчастную Инну прибило к стене вестибюля, она смогла, прижимаясь к кафелю спиной, доползти до входных дверей и выскочить наружу.

На улице она вдохнула ледяной воздух и закашлялась до слез. «Вот теперь совсем хорошо, тушь потечет и нос распухнет! Так тебе, идиотке, и надо! Размышляла, вообразила,

что тебя в метро только и ждут молодые красавцы-мужчины, чтобы в театр пригласить! Расфуфырилась, сапоги новые купила, растрепала всем про этот театр!» – нещадно ругала себя помятая равнодушной толпой Инна.

Она почти бежала по улице, совершенно не соображая, куда ее несут ноги, лишь бы оказаться подальше от этого позорного места – входа на станцию метро, где она получила такой сокрушительный удар по самолюбию. Через некоторое время Инна все же кое-как взяла себя в руки и начала думать, как ей выйти из неприятного положения с наименьшими потерями.

«Так, на телефоне звук надо отключить на весь вечер, как будто я в театре. И домой идти никак нельзя, мама хотела у меня сегодня цветы удобрением полить и котлеты принести. Я ей говорила, что в театр иду и вернусь поздно, незачем ей знать о моем провале. Кстати, надо зайти в театральную кассу, посмотреть, какой спектакль сегодня в Пушкинском», – планировала Инна свои действия по сокрытию улик. Но на душе у нее было гадко, на улице зверски холодно, и вообще, она была сама себе исключительно противна.

Проболтавшись больше двух часов по всем доступным для посещения магазинам на Садовой, Инна почувствовала жуткий голод. Домой, к маминым котлеткам, ехать было еще рано, кофейни и всяческие «Чайные ложки» требовали наличия приличной суммы на карте, и она вдруг вспомнила: недалеко от «Апрашки» когда-то была отличная пышечная!

Инна устремилась туда, и действительно, на том самом старом насиженном (вернее, «наеденном») месте по-прежнему хлопала стеклянной дверью, впуская и выпуская посетителей, зажатая между современными магазинами крошечная забегаловка.

Замерзшая и уставшая Инна влетела в тесное помещение, забитое людьми в шубах и пуховиках, выстроившимися в очередь от самого входа, и с наслаждением вдохнула любимый с детства запах кофе и жареных пышек с сахарной пудрой.

Над прилавком красовался плакат, на котором крупно было выведено: «КОФЕ БОЧКОВОЙ СО СГУЩЕНКОЙ! КАК РАНЬШЕ!» Продавщица за прилавком не было, видимо, пошла на кухню за свежими пышками. У Инны просто слюнки потекли, когда она представила, как сейчас возьмет стакан этого горячего сладкого кофе и штук пять... нет, семь... или нет, все же пять хрустящих, румяных, только что из жаровни, обсыпанных белой пудрой замечательных пышек.

Ждать пришлось довольно долго, и, стоя в тесной толпе, Инна снова начала вспоминать сегодняшние обиды и разочарования. А тут еще ближайшие соседи в очереди, как назло, попались беспокойные: стоящий перед Инной пожилой дядька в толстенной бесформенной дубленке все время переминался с ноги на ногу, а женщина, вошедшая в «пышечную» сразу после Инны и прижатая к ней дверью, все время копалась в огромной сумке, как будто что-то искала или перекладывала.

Инна терпела-терпела, а потом резко повернулась к беспокойной тетке с намерением что-нибудь сказать, но та в этот момент быстро прикрыла расстегнутую сумку, и Инна промолчала, сдержалась. Только подумала с раздражением: «Дорогущее кольцо с темным камнем эта дама нацепить не забыла, а сумка у нее потертая, необъятная, как у „челночницы“. И перстень свой почему-то на мизинце носит, а ведь мешает, наверное».

Наконец, вынесли огромный поднос горячих пышек, и полная, раздумавшаяся на кухне продавщица от души натрясла на них целое сито сахарной пудры. Очередь оживилась, все полезли за кошельками, и уже через несколько минут Инна получила вожаденный стаканчик кофе и тарелку с пышками, которые, по ее просьбе, продавщица еще дополнительно присыпала пудрой.

Инна направилась со своей тарелкой к свободному столику, убедившись, что не окажется рядом с противным мужиком в стоящей колом, воняющей псиной дубленке. «Хорошо бы еще

тетка с огромной сумкой пристроилась где-нибудь в стороне, хочется спокойно насладиться своими любимыми пышками», – мечтала она.

Удача! Краем глаза Инна, уже засунувшая в рот сразу половину жирной горячей пышки, увидела, что «раздражающий фактор» – женщина с сумкой – взяла свою добычу «на вынос». Она прямо у прилавка отправила пакет в недра своей необъятной кошелки и направилась к выходу.

Времени прошло уже достаточно, и Инна решила, что можно возвращаться домой, не рискуя встретить в метро припозднившихся на работе сотрудников. К тому же, станция «Гостинный двор» оказалась теперь для нее даже ближе, чем «Садовая», и Инна поплелась туда, снова теряя на морозе накопленное в пышечной тепло и улучшившееся настроение.

Дом встретил ее темнотой, безмолвием и могильным холодом, исходившим из ванной, в которой пару недель назад отключили отопление из-за аварии на первом этаже. Пустота в квартире, образовавшаяся после развода с мужем и его торжественного выезда с вещами по месту прописки, так радовавшая Инну первое время, сегодня действовала угнетающе.

Мужа нет. Кота нет – мама забрала, когда бывший муж начал возмущаться шерстью на стульях и гонять Барса, а тот в ответ стал гадить по углам. Еды нет – мама не приходила. Одна, никому не нужная, голодная (пышки не в счет), оскорбленная каким-то неизвестным Михаилом, совершенно деморализованная Инна стащила сапоги («Будь они прокляты!») и прямо в шубе забралась с ногами на диван.

«Надо кому-то позвонить, человеческий голос услышать, а то сейчас разревусь... Маме еще рано. Позвоню Женьке, мы же мирно расстались, как интеллигентные люди, договорились сохранить дружеские отношения»...

– Аллю! Женя, привет, – быстро сказала Инна, набрав на домашнем телефоне знакомый номер бывшего мужа и, не дождавшись ответа, деловым тоном (который ей нелегко давался, так и тянуло разрыдаться), продолжала:

– У меня тут небольшая авария, вилка от настольной лампы развалилась. Я не могу найти отвертку, ты не забирал инструменты? В ящике под ванной все лежали.

Женя, похоже, был доволен, что она ему позвонила. Начал расспрашивать, от какой лампы вилка сломалась да почему она вдруг сломалась ни с того ни с сего, и сделал вывод:

– Вот все, что к тебе в руки попадает, обязательно ломается почему-то! Ну вот всегда одно и то же! Выдергиваешь, как обычно, за провод, вот и результат. Я вот если за что-то берусь...

На этом месте Инна повесила трубку. Вернее, швырнула на аппарат. Очень хорошо, что она ему позвонила. Накатившая на нее злость на этого мерзкого зануду вытеснила всю малодушную и разрушительную жалость к себе, несчастной обманутой одинокой овечке. Правильно она его поперла! Два года мучений! Она заслужила свою свободу!

Зазвонил телефон. Инна, которой уже стало жарко, скинула шубу и, схватив трубку, заорала:

– Верни отвертку, жмот несчастный! Это я ее покупала, когда в квартиру въезжала! Сам ты косорукий...

– Доченька, это я. Ты уже дома? – спокойно сказала мама.

– Мам, да, я уже дома! И в театре я не была, не сложилось! И не надо меня расспрашивать, отслеживать и опекать постоянно! – Инна не могла остановиться, хотя мама была совершенно ни при чем. – И кота верни, пожалуйста, а то дома пусто, вот даже Женьке позвонила, а зря.

– Тебе отвертка-то нужна? Давай завтра занесу, – как ни в чем не бывало ответила мама. Она хорошо знала своего ребенка и не реагировала лишний раз на бурную реакцию. – Коту у меня хорошо, он привык давно. Давай я тебе котенка сосватаю, хочешь?

– Мамочка, не надо пока, – ответила Инна. Злость отступила, прятаться и врать маме про театр больше было не нужно, и сразу стало легче. Собственно, что такого страшного с ней

произошло? Свидание не состоялось с каким-то неизвестным мужиком, вот горе-то! Просто трагедия всей жизни!

– Мам, котлетки ты обещала, принеси, а? – совсем мирно попросила Инна. – Некогда едой заниматься, часто вечерами работать приходится.

– Конечно, завтра днем принесу, сегодня не смогла – не успела наvertеть. Что еще купить? Хлеба, булки не надо? И цветы завтра полью у тебя удобрением, совсем ты их заморила.

– Нет, нет, из магазина ничего не тащи по морозу, это я сама могу. Спасибо! Спокойной ночи!

Так завершился для Инны этот день три недели назад.

В конце рабочего дня Вадим зашел за Инной, и они направились вместе к метро.

– А давай не по Садовой пойдем, а по каналу Грибоедова. – предложила Инна. – Немного дальше получится, но нам ведь поговорить надо. Мне там так нравится! Это необыкновенный канал, я всю жизнь в Ленинграде – Петербурге прожила и воображала, что уж центр-то я прекрасно знаю. А тут как-то решила весь канал Грибоедова пройти от начала до конца, и оказалось – он такие коленца выкидывает, совершенно неожиданные! Ну вот ты, к примеру, знаешь, где он начинается?

Инна с Вадимом шли по Вознесенскому проспекту, удаляясь от Садовой.

– Конечно, знаю, это место все знают: от Невы начинается, у церкви Спаса на Крови, – уверенно ответил Вадим. – Я тоже с семнадцати лет здесь в основном живу, хорошо город знаю.

– Вот и нет! – торжествовала Инна. – От Мойки он начинается. Там такая путаница рек и каналов у Конюшенной площади, что только с помощью карты и можно разобраться. Дальше он течет себе прямо-прямо, у ФИНЭКа немножко вправо берет, а потом раз! – и круто налево, к самой Сенной площади подбирается. Вот сейчас туда и придем. А дальше он ведет себя еще интереснее.

– Ладно, давай потом про канал, – остановил ее Вадим. – Вот я, например, от следователя и из доступных мне документов немного про Катю и ее сожителя узнал.

Так вот, Катя еще школьницей приехала со своей мамой в Ленинград; мать снимала комнату и где-то числилась то ли дворником, то ли уборщицей. На что жили – неизвестно, вроде Катины дед с бабушкой им с Севера что-то присылали, пока не померли.

Катя школу закончила хорошо, поступила в финансовый вуз, до сегодняшнего дня там в списках состоит. Еще на первом курсе пошла работать в районную налоговую инспекцию специалистом – должность не государственная, денег совсем мало платят. А там начальник инспекции ее приметил, влюбился и, так сказать, сделал «предложение».

Этот Сергей Владимирович, судя по отзывам его подчиненных, личность не особо приятная: помешан на дисциплине и субординации, молодых сотрудников не любит, «гнобит» их по-всякому, учебных отпусков не разрешает оформлять. А тут рассиропился...

Но Катя ни в какую не хотела бросать институт, и он не мог для нее исключение делать у всех на виду – пришлось ей переводиться к нам, наша Алла Игоревна добрая тетка, молодым навстречу всегда идет.

Примерно года полтора назад, по словам этого Сергея Владимировича, Катя переехала от мамы к нему, а потом ее мама заболела и умерла, ну, это твои сотрудницы тебе рассказывали, наверное.

– Ну да, про болезнь и смерть Катиной мамы мне говорили, – кивнула Инна, – а вот то, что начальник инспекции, где она до нас работала, и был ее женихом, я узнала только сегодня. Надо будет свою приятельницу расспросить, она давно работает и наверняка может рассказать про него что-нибудь интересное.

– Твоя знакомая в его инспекции работает, он ее начальник? – поинтересовался Вадим.

– Да нет, но это неважно, – ответила Инна. – Татьяна уже больше десяти лет в налоговой, хотя до этого была инженером в НИИ. Когда все научные институты в 1991 году разваливаться начали, она оттуда ушла в свободный поиск и через несколько лет случайно попала в районную налоговую инспекцию¹.

Она здесь работает почти с самого начала формирования и, так сказать, «становления» налоговой службы (в ее современном виде), очень многих знает. И вообще, здесь «ротация» начальников всех рангов идет постоянно, все перезнакомились в процессе. Я в ее отделе до этого работала.

– А когда ты с ней поговорить сможешь? – спросил Вадим. – Надо бы нам самим с расследованием подсуетиться, а то следователь какой-то вялый попался. Может, конечно, я ошибаюсь, но мне кажется, что если следствие надолго затянется, то ничем хорошим это для инспекции не кончится. Подбрасывать надо им какие-то данные, версии, ведь для полиции это рядовое дело – ну, подумаешь, убили и ограбили какую-то девушку.

– Да я прямо завтра могу к ней в инспекцию съездить, – с готовностью согласилась Инна. – Татьяна там начальник отдела недоимки, очень хорошо всю эту работу знает, я часто к ней за помощью обращаюсь. Вот только с утра с отчетами разберусь и у Аллы Игоревны отпрошусь. А после обеда вернусь и, если что-то узнаю, – все тебе расскажу.

– Договорились, – обрадовался Вадим. – Я, кстати, в деле о пропаже Кати, которое тянется уже четвертую неделю, тоже кое-что об этом ее женихе – Сергее Владимировиче – узнал.

Возраст сорок три года, женат не был, имеет двухкомнатную квартиру в Калининском районе, которую приобрел уже давно, лет десять назад. Он тогда еще был инспектором в городской администрации, наверное, родные помогли купить на этапе строительства, подешевле.

Он накануне того дня, когда Катю последний раз вы все видели на работе, уехал в Москву в командировку, на Коллегию. Со всей страны примерно раз в полгода начальников налоговых инспекций и их замов собирают, один или два дня совещаются – ну, ты лучше меня это знаешь.

В этот раз Коллегия завершилась в пятницу; Сергей еще до середины дня в воскресенье пробыл в Москве, а поздно вечером, по его словам, вернулся в Петербург.

Говорит, что с Катей во время командировки не созванивался – якобы телефон сломался. Когда приехал, увидел, конечно, что дома она не была несколько дней, но не удивился, так как решил: она обиделась, что он не звонит, и уехала к себе домой, в комнату, где прописана.

В понедельник вышел на работу, отдал телефон в ремонт (никто это, кстати, не проверял) и позвонил с городского телефона на ее мобильный, тот оказался выключен. Ну, он и решил: «Девушка обижается, вечером приеду за ней на машине к ее инспекции, мириться». Но не сложилось, вечером пришлось ему поехать в наше Управление на совещание по итогам Коллегии.

И только во вторник утром он, позвонив в ваш отдел, выяснил, что Катя с прошлой пятницы не появляется на работе и никому не звонит – ни сотрудникам, ни начальству. Тут он засуетился, поехал к ней на квартиру, а больше-то и искать было негде – никаких ее подруг он не знает, в институте бесполезно спрашивать, она там только на сессиях появляется.

Сергей пошел в полицию, написал заявление; собственно, на этом на тот момент все и остановилось – пропала девушка, ни в больницах, ни в моргах ее не обнаружилось. Он ей никто, родных у Кати в Питере нет, кто такую искать будет?

– Вот такие данные я извлек из дела о пропаже Кати, – завершил свой рассказ Вадим. – Конечно, вызывает подозрение поведение этого «жениха» – из Москвы якобы не нашел возможности позвонить своей любимой, ведь не из тайги же глухой, в конце концов! Так что поста-

¹ История Татьяны, расследующей преступление в ее НИИ, описана в романе Ларисы Зверинской «Инженерный тупик 1991».

райся разведать как можно больше про этого Сергея Владимировича, что-то он мне совсем не нравится.

Неестественно как-то все выглядит: дядька уже в солидном возрасте, не знаю, чем он такую молодую и красивую, по отзывам, девушку привлек и так странно и равнодушно себя ведет – «ну, ушла и ушла, отключен телефон, да и ладно».

– Да чем привлек, – махнула рукой Инна, – жить Кате негде было, денег мало, потом мать болела и умерла – Катя в долги влезла, вот и решила, наверное, перекантоваться в статусе сожительницы обеспеченного мужика, пока хотя бы институт не закончит. Не знаю, какие там чувства были, с девицами из моего отдела она ничем не делилась. Завтра постараюсь собрать сплетни, какие смогу.

– Да, – вспомнила Инна, – ты ведь хотел, чтобы я как можно подробнее рассказала тебе о событиях того дня, когда мы с Катей в последний раз виделись.

И она рассказала Вадиму все, что ей удалось вспомнить, естественно, опустив не относящееся к делу продолжение истории: несостоявшееся свидание с Михаилом, пышки, истерику в пустой квартире...

Вадим выслушал очень внимательно.

– Ты запиши сегодня дома все эти подробности, – попросил он, – пока ты все хорошо помнишь. А то ведь мозг такая штука – сегодня одно кажется, а через неделю другое. Вот, например, я заметил, что ты про этот злополучный носок по-разному говоришь – то зеленая морда, то голубая или синяя. Просто запиши, во что Катя была одета в этот день, сумку, косметику ее вспомни, прическу.

Они дошли до метро, и Инна распрощалась с Вадимом – он пошел пешком к себе на Загородный, сказал, что так получается быстрее и приятнее, чем на транспорте.

Следующим утром на работе Инна сразу занялась подготовкой визита в свою бывшую инспекцию, к Татьяне. Сначала выяснила, что та будет до обеда на месте, потом провела определенную работу по убеждению Аллы Игоревны в необходимости «командировки» для обмена опытом.

Начальница, конечно, догадывалась, что Инна там в основном займется «сбором информации», а вернее, сплетен о Кате и ее сожителе, и надеялась, что у нее это получится. Ведь руководству уже донесли верные бдительные люди, что «безопасник» Вадим накануне просидел у Инны весь обеденный перерыв, а после работы они куда-то вместе пошли. Вадим контактировал со следствием, значит, скорее всего, как-то участвует в расследовании.

Получив от начальницы «добро», Инна вприпрыжку (хотя неудобные красивые сапоги снова пришлось надеть, надо же похвастаться перед бывшими сотрудниками) понеслась на Невский, в самый-самый центр города – «центрее не бывает», как выразилась ее подруга, отговаривая Инну от перехода в ее нынешнюю инспекцию.

По Садовой до Невского Инне удалось подскочить на трамвае, на старой доброй «тройке», движение которой то закрывали, то открывали, а то вдруг запускали в каком-то непредсказуемом «тестовом» режиме. Дальше по Невскому проще было добираться пешком, и она включила свою, как выражалась ее мама, «вторую скорость» – быстрый широкий шаг. На «третью», то есть на бег трусцой, переходить себе не позволила, сдерживала нетерпение, хотя и очень хотелось.

Но на Аничковом мосту пошла помедленнее, чтобы в который раз полюбоваться невероятно натуралистичными и прекрасными скульптурами гениального Клодта. «Укрощение коня человеком» – так, кажется, в путеводителях по Петербургу называется эта великолепная четверка», – вспомнила Инна.

Она даже сняла перчатку, чтобы «поздороваться» – прикоснуться на ходу к гранитным пьедесталам и поискать глазами лицо «обидчика» скульптора – соблазнителя его жены.

«Ведь это же надо было такое придумать – увековечить своего врага в самом интимном месте жеребца», – усмехнулась про себя Инна. Вот они, мужчины девятнадцатого века! Отомстил интеллигентно, как человек творческий, не опускаясь до банального мордобоя или перестрелки с непредсказуемым исходом.

Дворец Белосельских-Белозерских сверкал свежей ярко-розовой краской, и Инна, несмотря на спешку, прошла от угла Невского и набережной Фонтанки до его роскошных входных дверей, тщательно отреставрированных и покрытых лаком. Как разительно изменился Петербург по сравнению с советским периодом и разрушительными девяностыми!

Инна перешла Невский и, поднапрягшись, открыла массивные и тоже добротные двери своей бывшей инспекции. «Все-таки „новодел“ здорово проигрывает в соревновании со старинными вещами», – подумала Инна. «Или руки у современных мастеров не из тех мест растут, или вкус художественный у заказчиков отсутствует – похоже, это ценное свойство у них начисто отшиб практический двадцатый век».

Татьяна уже знала о происшествии у соседей – «сарафанное радио» сработало мгновенно, но она никак не предполагала, что ее младшая подруга Инна принимает в этом захватывающем боевике самое непосредственное участие.

– Привет, как дела? – обернулась она к Инне, когда та, запыхавшись, влетела в знакомый кабинет. – Тебе действительно что-то надо узнать по работе, или сразу к самому интересному перейдем? Кофе будешь?

– Буду, конечно! Тут без кофе никак! Ты в курсе, что у нас произошло? – с порога выпалила Инна, не собиравшись терять время на всякие дипломатические расшаркивания.

Она скинула пальто, уселась сбоку от Татьянинного стола и принялась рассказывать в красках, как ее вчера чуть не убила огромная льдина, как она ползла под обстрелом по тротуару, как увидела знакомый носок, ну и про все дальнейшие события. При этом она непрерывно набивала рот конфетами – любила сладкое и, увлекшись чем-то, могла слопать всю коробку, если не отнимут. Татьяна не отнимала, только периодически подливала кофе из кофеварки.

Наконец, Инна перевела дыхание и вопросительно посмотрела на Татьяну – как впечатление?

– Ничего себе приключение! – оценила та.

И первым делом спросила:

– А Вадим этот, зам. начальника по безопасности, давно у вас работает? Ты с ним уже хорошо знакома?

И Инна вдруг поняла, что она действительно рассказывала о Вадиме так, как будто знает его уже сто лет и абсолютно доверяет. А ведь всего-то сутки знакомы! С другой стороны, чего здесь можно опасаться? Цели у них совпадают – надо раскрыть убийство, ей же нужен союзник. Да и понравился он ей, вот и все!

Татьяна легко прочитала ее мысли – на лице у Инны все вполне достоверно отражалось.

– Ты все-таки будь поосторожнее, – сказала она. – Не бросайся сразу, не осмотревшись, в расследование такого жуткого случая. Может, это совсем и не убийство, а может – страшное преступление, и где-нибудь рядом с тобой убийца ходит. Когда в девяносто первом году в нашем институте произошло убийство, я тоже рисковала по глупости и до сих пор не уверена, что все окончательно похоронено².

– Да, я помню. – махнула рукой Инна. – Ты мне кое-что об этом рассказывала. Но, зная тебя, уверена – окажись ты на моем месте, тоже не усидела бы «на попе ровно», когда рядом такое происходит. И я не успокоюсь, пока все не выясню! Так что давай лучше помогай, а не морали читай.

² История Татьяны, расследующей преступление в ее НИИ, описана в романе Ларисы Зверинской «Инженерный тупик 1991».

– Договорились. – засмеялась Татьяна. – Только чем я помочь-то могу?

– Мне нужно собрать сведения об этом Сергее Владимировиче, сожителе Кати, – перешла к делу Инна. – Да и о самой Кате тоже не мешало бы, но о ней вряд ли что-то в ее бывшей инспекции выяснить можно.

Она года два назад устроилась туда на работу, и почти сразу этот Сергей ей знаки внимания оказывать начал, а потом она вообще жить к нему переехала – ну, и какие бабы-сотрудницы такое простят? Ни с кем она там не подружилась, а когда в наш отдел пришла, у нее уже мама очень серьезно болела и потом умерла, Кате не до разговоров было.

– Симпатичная девушка была? – поинтересовалась Татьяна.

– По-моему, просто красавица. Понятно, что любой женщине неприятно такое признавать, но, если попытаться быть объективной... – задумалась Инна. – Я вообще с трудом представляю себе ее рядом с каким-то старым хрычом, странно, что она свою природную одаренность так невысоко оценила.

Ведь и умом ее бог не обидел, работала у меня как старший гос. инспектор, хотя у нее должность специалиста была. Но ей было интересно, это чувствовалось, и она не отбрыкивалась, когда на нее отчетность спихивали. Жалко девчонку.

– А как она выглядела, опиши, – попросила Татьяна. – Фотку черно-белую я потом кадровичку нашу попрошу из общей базы вывести. Кстати, Сергей этот не такой уж старый хрыч – лет сорок пять ему, наверное. Ты нас, «лиц среднего возраста», не обижай, молодая еще, понимаешь ли. Мы еще всем вам...

– Да ладно, обидчивая ты наша, – бесцеремонно прервала ее стенания Инна. – Тебе-то никто твоих лет не дает, не бурчи. Сергея я не видела никогда и почему-то представила себе его таким высушенным занудой, вроде моего бывшего мужа, только в старости. Может, ошибаюсь, вот и нужны объективные сведения. А про Катю сейчас расскажу, что смогу вспомнить.

Инна помолчала, сосредотачиваясь.

– Роста она была среднего, фигура хорошая, стройная, вес даже точно знаю – пятьдесят восемь килограммов, – начала вспоминать она. – Наши девчонки в отделе недавно в складчину весы купили и теперь – как натрескаются в обед булок с колбасой, так сразу на весы бегут, дурынды. Волосы светлые прямые у Кати были примерно до плеч, натуральная блондинка с легкими корректировками оттенка; или нет, пониже плеч волосы, точно; глаза серо-голубые, большие; брови хорошей формы, аккуратные, вразлет, она их не выщипывала. Когда поярче накрается – просто звезда Голливуда.

– А одета была как, когда последний раз ты ее видела? – продолжала расспросы Татьяна.

– Это я хорошо помню. Кстати, Вадим просил меня все обязательно записать, чтобы со временем не исказились в памяти впечатления.

Так вот, описываю, как была Катерина в тот день одета: свитер типа норвежского, синий, с ярким орнаментом; юбка темная, вроде бы темно-синяя, короткая, примерно по колено; сапоги очень красивые, черные, на высокой шпильке, с цепочками декоративными, при ходьбе даже позвякивали немного.

А верхняя одежда у нее в тот день была та же, что и обычно: пуховик ярко-красный, как бы шелковистый такой, шарф светло-серый, толстой вязки, пушистый (она поверх пуховика его наматывала) и шапочка толстая вязаная, тоже светло-серая, с помпоном. Она всю зиму так ходила, шубки или дубленки у нее не было.

В это время на столе у Татьяны зазвонил телефон, она сняла трубку и сделала Инне знак – «помолчи, важный звонок». Позвонила начальница инспекции, попросила Татьяну к ней зайти по какому-то рабочему вопросу.

– Наталья Николаевна, – вкрадчиво ответила Татьяна и подмигнула Инне, – вы не против, если я немного позже подойду? У меня сейчас в гостях Инна, забежала на полчаса по отчетности проконсультироваться, ну, и новостями поделиться. Оказывается, у них там такой ужас-

ужас произошел, а она в центре событий оказалась – ее саму чуть не убило ледяной глыбой. Я вам потом расскажу.

Татьяна рассчитала правильно. Наталья Николаевна ахнула, строго приказала Инну никуда не отпускать и сидеть обеим на месте – она сама к ним сейчас спустится, к ней в кабинет все время кто-то рвется, и поговорить не дадут.

– Очень кстати Наталья позвонила, – засмеялась довольная Татьяна, положив трубку. – Начальники все друг друга знают, сейчас она нам что-нибудь про этого Сергея расскажет.

Татьяна встала, чтобы достать еще одну чашку для гостьи и заварить новую порцию кофе.

– Ой, а я почти все конфеты у тебя слопала, – вдруг обнаружила Инна. – И не заметила даже. Куда они в меня влезают? Извини, в следующий раз принесу что-нибудь.

– Да не парься, – махнула рукой Татьяна. – Мне посетители все время эти дурацкие коробки притаскивают, а я сладкое не люблю, ты же знаешь, почти все в отдел девчонкам отдаю. Наталья тоже конфеты не ест, растолстела в последнее время от сидячей нервной работы.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвался вихрь в виде начальницы инспекции Натальи Николаевны Козыревой.

– Таня, здравствуй еще раз! Инна, здравствуй, рада тебя видеть! – с порога зачастила она. – Соскучилась? Приходи к нам обратно, если обижать будут, место найдем.

Что у вас там случилось, рассказывай быстро! Это кофе у вас? Отлично! А сахар где? Таня, доставай давай, я без сахара кофе не пью! Да не надо мне этих конфет, видеть их уже не могу! Простой кусок сахара или ложку песка выдай, и все! Ну, Инна, не тяни. Что какая-то девица у вас там пропала с месяц назад – я слышала, и что вчера ее мертвой нашли, тоже слух дошел. А ты-то тут при чем?

Порывистый и нетерпеливый характер, манера носиться быстрым шагом по коридорам и по улице, присущие Наталье Николаевне, были характерны и для Инны, что, помимо отличных профессиональных качеств, породило их взаимную симпатию в период совместной работы.

Начальница очень не хотела отпускать ее из своей инспекции. Татьяна, которая и сосватала Инну на новую работу, с неделю уговаривала Наталью Николаевну не препятствовать переводу, ведь такого повышения в должности, сидя в отделе в должности главного госналогинспектора, Инна дождалась бы не скоро.

А в той инспекции неожиданно уволился начальник отдела недоимки, срочно нужна была замена, а желающих и, главное, людей в должности зам. начальника отдела, знакомых со спецификой этой работы, не находилось. Инну отдали, скрепя сердце, и, приходя в свой прежний коллектив, она всегда чувствовала себя как дома.

Инне пришлось еще раз повторить свою детективную историю с носком и трупом.

– И вот теперь, наконец, – завершила она свой рассказ, – стало понятно, что Катино исчезновение как-то связано именно с инспекцией, ну, с моей новой, где сейчас работаю. Представляете, на крыше труп лежал замороженный, а мы практически под ним сидели и отчеты делали! Ужас!

– Да уж... – протянула Наталья Николаевна. – А следствие определилось со сроками ее смерти? Может, ее недавно убили и туда затащили.

– Что установило следствие, я не знаю, вряд ли они с нами сведениями делиться будут. Надо самим думать и действовать! Мы с Вадимом решили, что Катя там со дня своей пропажи лежит: глыба льда, в которую она вморозилась, очень большая была, значит, за это время несколько раз шел снег, подтаивал и снова наваливал в какую-нибудь впадину, где она лежала. А вчера резко потеплело, и с крыш все накопившиеся запасы сползать начали. И мы с Вадимом...

– Так, все понятно, – прервала ее Наталья Николаевна. – Вадима этого ты уже двадцать раз упомянула. Говоришь, новый зам. по безопасности? Ну, тогда его полиция все-таки в курсе

держат должна, а он им данные из налоговой, какие узнает, передавать будет. Значит, это он тебя направил сведения собирать?

– Да почему направил?! Я сама! – ожидаемо возмутилась Инна. – Он же работает у нас с неделю всего, вообще никого еще не знает, я и предложила в свою родную инспекцию сгонять, хоть что-нибудь об этом Сергее Владимировиче узнать.

– Я с Сергеем знакома, конечно, – кивнула Наталья Николаевна. – Но никаких контактов, кроме как исключительно рабочих, с ним никогда не имела. Вполне приятный молодой мужчина (тут Татьяна насмешливо глянула на Инну), очень аккуратный, одевается хорошо, всегда в дорогом костюме на совещаниях.

Про его связь с молоденькой сотрудницей, конечно, все говорили. Но, если разобраться, что тут особенного? Он холостяк, влюбился, ну, нехорошо, конечно, что жил с этой Катей без регистрации, но ведь сейчас за такие мелкие грехи с должности не снимают. Может, она не хотела официально за него замуж выходить, кто знает.

Что еще про него можно сказать? Пунктуальный, обязательный, никогда не опаздывает на совещания, выступает только по делу. Вот правда на последней Коллегии в Москве я его что-то не видела, ни в зале, ни в гостинице. Может, не заметила? Это возможно, ведь наша делегация в этот раз довольно большая была. Так что удовлетворить ваше с Вадимом любопытство я не могу. Да зачем он вам? Неужели такой солидный человек может быть причастен к убийству своей любовницы?

– Наташечка Николаевна, – заныла Инна, – ну пожалуйста, вспомните все про эту Коллегию! Вы точно не видели там Сергея? Ну, пжалста! Ведь он-то в полиции говорил, что в Москве три дня пробыл и с Катей связаться не мог, телефон у него якобы сломался! Очень даже подозрительно все это!

– Так, не верещи, «следователь» Инна, – остановила ее начальница. – Думать мешаешь. Если по порядку: ехали в Москву все своими путями, я на вечернем экспрессе, там Сергея точно не было; в гостинице я его ни разу не видела, но мы все туда приходили только спать, причем в разное время, почти ни с кем не встречались; в зале совещаний я его ни разу не заметила, но ведь и не искала специально, вполне могла в толпе не увидеть; домой уехала в пятницу поздно вечером, ночным поездом, со мной ехали еще человек пять наших – Сергея среди них не было. Все это ни о чем не говорит.

– Как-то надо бы проверить, был ли он в Москве, а если был – то что делал там целых три дня? – Инна опять в задумчивости потянулась к конфетам, но Татьяна на этот раз отставила коробку подальше.

– Проверить легко, – пожала плечами Наталья Николаевна. – Пусть твой «безопасник» Вадим посмотрит в бухгалтерии билеты Сергея в Москву и обратные, в Питер. В бухгалтерии же должны быть и гостиничные квитанции, ведь командировочные-то ему должны оплатить. И можно через Управление запросить из Москвы ведомости с отметками о явке на заседания Коллегии.

– Умница вы, Наталья Николаевна! – обрадовалась Инна. – Так ему и передам, пусть работает! Спасибо вам огро-о-омное!

– Все, я побежала, – рванулась к двери начальница, – засиделась я у вас, наверное, в приемной уже толпа ждет. Держите меня в курсе! – крикнула она уже из коридора.

Татьяна с Инной дружили довольно давно; когда познакомились, Инна была еще совсем молоденькой студенткой финансового института. Татьяна на тот момент уже работала в налоговой инспекции, где оказалось довольно много сотрудников с высшим техническим образованием – они хорошо вписались в реорганизованную налоговую службу, где вовсю шла компьютеризация.

Но для продвижения по службе, да и просто для присвоения статуса «государственный служащий» требовалось экономическое образование, и эти несчастные, некоторые уже в солидном возрасте, вынуждены были на два года сесть за парты финансовых колледжей.

Взрослым людям пришлось вспомнить все прелести студенческой жизни: курсовые, зачеты, методички к лабораторным, гонки за вечно занятыми преподавателями и, на закуску, экзамены.

Некоторые лекции проходила в ФИНЭЖе, и однажды Татьяна, занявшая место у самой двери огромной аудитории, оказалась рядом с Инной, которая всегда там сидела ввиду непоседливости характера – можно выскочить незаметно, если уж станет совсем невоготу от тоскливых речей финансовых аналитиков.

Тем более, что их сказки о бизнесе и «правильном» капитализме, написанные западными сказочниками, не имели ничего общего с российской действительностью. Чаще всего они зачем-то длинно и нудно обосновывали очевидные вещи, например, что предложение должно соответствовать спросу, иначе «кирдык» бизнесу.

На втором часу рисования кривых и определения их точек пересечения по сложным формулам Инна затосковала и умоляюще посмотрела на свою соседку, которая тоже вздыхала и ерзала: это была Татьяна, которая мешала ей незаметно выскользнуть из аудитории. Они сразу поняли друг друга и тихо выползли в коридор.

– Все, сил больше нет выслушивать эту «мутотень», – выдохнула Татьяна. – Я работаю в налоговой и могу точно сказать, что все выкладки этих теоретиков не имеют к нашей работе никакого отношения. Во всяком случае, на сегодняшний день. Но наше начальство мой диплом инженера не устраивает, заставляют зарабатывать еще один.

– А вы в налоговой работаете? – заинтересовалась Инна. – Мне через год определяться надо будет, куда двинуть после окончания института. На кафедру не хочу, тоска и сонное царство, судя по нашим «преподам». Бухгалтером в фирму – тоже не тянет, к хозяевам приспособливаться – это не по мне.

– Ну, приспособливаться-то везде придется, – засмеялась Татьяна. – Я в налоговую пришла в свое время в качестве программиста. На тот момент там еще весь состав, начиная с начальника инспекции и заканчивая рядовыми инспекторами, состоял из работников старого образца, и им не нужны были никакие компьютеры.

Запуганные предприниматели с подношениями, бумажные ведомости, калькуляторы как символы технического прогресса – ведь все так хорошо было, зачем что-то менять? Меня тогда просто физически не допускали к работе, якобы места не могли найти.

– И как удалось внедриться? – спросила Инна. – Поделитесь! Пошли в буфет, кофе попьем и расскажем, как сейчас в налоговой дела обстоят, мне интересно.

Так началось их знакомство. Татьяна еще с полгода ходила в ФИНЭК на лекции и там часто встречалась с Инной. Нашлось множество точек соприкосновения интересов, а в какой-то момент выяснилось, что они почти что родственники: Татьяна свое детство провела в коммуналке на Петроградской, а Инна знала, что ее собственная мама тоже где-то там жила лет до пятнадцати, пока ее отцу не дали квартиру на Малой Охте.

Когда Инна рассказала своей маме про новую знакомую – Татьяну, та заинтересовалась, где именно на Петроградской та жила. Инна спросила Татьяну, и та четко назвала адрес, вызубренный в детстве: номер дома на Большом проспекте, шестой этаж, квартира девять.

– Ничего себе! – так и подскочила Иннина мама, когда это услышала. – Так это же наш дом! И квартиры на одной лестничной площадке были! Так я, наверное, и Татьяну твою помню, я ведь уже подростком была, когда мы там жили!

Инна организовала встречу. Бывшие соседки захлеб делились воспоминаниями о счастливой жизни в огромных коммуналках, где дети не знали о трудностях их родителей, о скандалах на кухнях и спорах из-за очередей в туалет и ванну.

Татьяна переехала со своей семьей в отдельную квартиру, когда ей было лет пять. Их огромный дом дал трещину из-за того, что под ним прокладывали тоннель метро, поэтому жильцов спешно расселили. Иннина мама уехала с родителями в новостройку на несколько лет раньше этого исключительно удачного для жильцов коммуналок события, но она вроде бы вспомнила крохотную чернявую девочку из соседней квартиры, а вот Татьяна, конечно, ее не помнила.

Но какое это имело значение? Инна с того дня постановила считать Татьяну своей старшей двоюродной сестрой, о чем решительно и заявила. Родной-то сестры нет, не позаботились родители в свое время.

– Да будь у тебя сестра или брат, вы бы ссорились и дрались с утра до вечера, – смеялась ее мама. – Спасибо скажи, что ты одна у нас, нам с папой нашего общего терпения едва хватает с тобой справляться.

Инна после окончания института устроилась на работу в налоговую инспекцию окраинного района, где постоянно требовались сотрудники из-за текучки кадров. А через пару лет, получив некоторый опыт и познакомившись с разными направлениями работы инспекции, перешла в Центральный район, в Татьянин отдел, где проработала целых три года, пока не перевелась с повышением в свою нынешнюю инспекцию.

До обеда еще оставалось время, и Татьяна с Инной поболтали немного о своих делах, посплетничали о сотрудниках и о начальстве и уже собирались распрощаться, как в коридоре раздались торопливые шаги, приоткрылась дверь, и в комнату просунулась голова, увенчанная разноцветными ключьями волос. Вытащив глаза, обладательница замечательной прически трагически проорала:

– Татьяна Александровна! Там «Славянка» идет! Она вас хочет! Мы со Светкой больше не можем! Мы в курилке!

Дверь захлопнулась, и видение исчезло.

Татьяна вздохнула и сказала Инне:

– Все, иди к себе, это минимум на час. Сейчас увидишь эту «Славянку», поймешь, почему девки от нее в курилке прячутся. Что касемо названия фирмы, так ее основатели просто в точку попали, приняв на работу такого бухгалтера. Чувствую, что придется мне испортить обед Наталье, послать эту даму к ней – может, табличка на дверях кабинета начальника инспекции на нее как-то подействует.

– Это у тебя что, новая сотрудница такая разноцветно-волосатая? – спросила Инна, надевая пуховик. – Эх, жаль, не успела к девчонкам забежать, сапогами похвастаться. Надо идти.

В коридоре раздались медленные тяжелые шаги, прямо-таки «поступь командора», и угрожающее пыхтение, как будто к дверям приближался крупный хищник вроде тираннозавра.

Инна замерла – стало интересно, что дальше будет.

Татьяна вскочила, торопливо напялила форменный китель и уселась на свое место, соорудив самое серьезное «протокольное» выражение на своей обычно вполне доброжелательной физиономии.

Дверь вздрогнула всем своим хлипким деревянным телом, как будто получила крепкий пинок с той стороны, а потом широко распахнулась, хряснув дверной ручкой по стене коридора. В небольшой кабинет ворвалась удушливая волна каких-то восточных ароматов, смешанных с сильным запахом дешевой косметики.

Вслед за запахом в кабинет вплыла массивная фигура в черном одеянии (Инна на глазок прикинула – килограмм сто пятьдесят, не меньше), самой выдающейся частью которой был, безусловно, бюст. Эта часть «Славянского» тела невероятного размера была каким-то образом приподнята и покрыта сверху прозрачным черным кружевом, под которым бугрилась и волновалась пышная белая плоть. Черные колготки на колонноподобных ногах и черные же лакированные туфли огромного размера дополняли образ.

Лицо Инна не успела увидеть, «Славянка» уселась на хлипкий стул перед Татьяниным столом и сразу включила максимальную громкость звука:

- Татьяна Алексеевна! Ваши инспектора...
- Александровна, – спокойно прервала ее Татьяна.
- Какая разница! – рявкнула «Славянка», сбившись с заготовленного текста.

Инна неосторожно фыркнула, и посетительница всем корпусом начала поворачиваться в ее сторону. Стул под ней жалобно взвыл, а Инна от неожиданности вжала голову в плечи: «Славянка», оказывается, обладала характерной физиономией немолодого грузина, с большими черными глазами навывкате, внушительным носом с горбинкой и даже с редкими усиками над верхней губой. Но! Рот был щедро покрашен ярко-красной помадой, лицо тщательно наштукатурено и нарумянено, а в густые брови явно дополнительно добавили черной туши.

Инна, увидев и оценив все это, решила не оставлять Татьяну один на один с таким монстром, уселась у дверей и стала наслаждаться зрелищем.

– Так по какому вы вопросу? И представьтесь, пожалуйста, – обратилась к посетительнице Татьяна нарочито спокойным тоном.

«Славянка» медленно повернулась, стул под ней издал жалобный стон, и она, тяжело дыша и с новой силой закипая праведным гневом, швырнула на Татьянин стол какую-то распечатку.

– Я главный бухгалтер! Работаю в торговле двадцать лет! – загремела она, и ее бюст под черным кружевом заволновался и пришел в движение. – У нас солидная торговая фирма! Я пришла сделать сверку по налогам, а мне в течение одной минуты ваш инспектор напечатала и сунула эту бумажонку! Что это за циферки? Ничего не понятно!

– Я прошу вас представиться, – снова настойчиво повторила Татьяна. – Дайте, пожалуйста, какой-либо документ, подтверждающий вашу личность.

«Славянка», пыхтя и что-то бормоча, полезла в сумку, извлекла паспорт и тоже бросила его на стол Татьяне.

– Манана Шалвовна, – очень серьезно обратилась та к «Славянке», заглянув в паспорт, – в нашей базе данных главным бухгалтером вашей фирмы зарегистрирована Иванова Наталья Ивановна. Инспекция не имеет права выдавать акты сверки посторонним лицам! Кто из инспекторов нарушил правила, я сейчас разберусь и приму к виновным соответствующие меры...

Услышав, что кого-то собираются наказать, «Славянка» несколько успокоилась и, очень довольная, вальяжно развалилась на почти доломанном ею стуле.

Татьяна позвонила в свой отдел и строго потребовала прислать к ней инспектора Карину Андреевну, принимавшую сегодня представителя фирмы «Славянка». Через минуту в кабинет снова просунулась уже знакомая Инне разноцветная голова, и перед Татьяной предстала субтильная девчонка в мини-юбочке, узорчатых колготках и форменном кителе, явно с чужого плеча.

– Карина Андреевна, – очень строгим тоном начала Татьяна, еле сдерживая смех, – вы работаете у нас уже неделю и должны были в первую очередь изучить – что?

– Что? – растерянно проблеяла девчонка.

– Конечно, свою должностную инструкцию и внутренний порядок работы инспекции! – Татьяна смягчила тон, чувствуя, что несколько переигрывает в несвойственной ей роли «мымы». – Там сказано, что вы, прежде чем передавать кому бы то ни было какой-либо документ, сформированный в налоговой инспекции, должны убедиться в том, что этот человек является законным представителем организации.

При последних словах Татьяны «Славянка», одобрительно кивавшая на протяжении ее назидательной речи, вдруг забеспокоилась, чувствуя какой-то подвох.

– Вы попросили у посетительницы документ, удостоверяющий личность? – вопрошала Татьяна, несколько повысив голос.

– Нет, но она же... – залепетала девчонка.

– В следующий раз будьте внимательнее! Вы свободны! – Татьяна поняла, что пора заканчивать цирк, а то несчастная Каринка совсем раскиснет.

Та опрометью выбежала из кабинета.

– Манана Шалвовна, но ведь у вас, надеюсь, есть доверенность от вашего главного бухгалтера? Как нет? – теперь суровый вопрос был обращен к «Славянке». – Тогда я вынуждена изъять незаконно выданный вам документ и попросить вас покинуть инспекцию. На сверку запишите своего главного бухгалтера или приходите с доверенностью. До свидания!

Бюст опять пришел в волнение, но «Славянка», будучи все же опытным старым работником, поняла, что на этот раз номер не прошел и нет смысла тратить силы на продолжение скандала. К тому же, противная крашенная девчонка тоже огребла порцию оплеух, и это несколько примиряло с поражением. Она с достоинством выплыла из кабинета, правда, дверью шаркнула от души.

– «Укрощение строптивой» с помощью акта сверки! – засмеялась Инна.

– Мастер-класс провела для Каринки и для тебя, как для молодого начальника. Учись, студент! – весело ответила Татьяна. – Ну все, расходимся на обед, мне еще надо в отдел к девчонкам забежать, успокоить народ. Пока-пока, держи нас с Натальей в курсе!

Инна, распрощавшись с Татьяной, направилась в свою инспекцию. Она решила, что обед ей сегодня не положен – его должны заменить съеденные у подружки конфеты и выпитый в огромном количестве кофе, который уже плескался где-то около горла.

«Как раз и время сэкономлено, можно зайти на „Апрашку“, посмотреть, какие сейчас кожаные куртки продают и почему, – решила Инна и завернула под арку, за которой открывался совершенно другой мир, не имеющий ничего общего с привычной петербургской городской средой.

Горластые веселые продавцы наперебой рекламировали свой товар весьма сомнительного качества; между рядами прилавков чинно передвигались солидные восточные мужчины, видимо, хозяева; на всех углах сидели на маленьких стульчиках черноглазые женщины в пестрых платках, торговали вроде как семечками и орешками, а чем на самом деле – неизвестно; полицейские в сдвинутых на затылок фуражках медленно ходили по одним им известным маршрутам, иногда небрежно кивали торговцам, изредка здоровались за руку с хозяевами.

Инна всегда чувствовала себя здесь неуютно, особенно после того, как этой осенью ее обокрали прямо у ларька с вязаными шапочками: она поставила сумку перед собой на прилавок, ремень накинула на плечо и стала примерять шапочки – какой вор доберется до кошелька, лежащего в застегнутой сумке у хозяйки на глазах? А когда полезла за деньгами... Рука провалилась в огромную дыру в боку толстой кожаной сумки, кошелька внутри не было, а на земле валялись паспорт и косметичка, видимо, ворами не понадобились.

С тех пор Инна зареклась покупать что-либо с прилавков на улице, только в закрытых помещениях, там все же безопаснее. И сейчас она сразу завернула в обшарпанное двухэтажное здание, облепленное вывесками, одна из которых обещала: «ШУБЫ, ДУБЛЕНКИ, КОЖА. Прямые поставки из Греции». Отдел на втором этаже оказался довольно большим, пахло натуральной кожей, молодые продавщицы выглядели вполне прилично.

Инна огляделась и направилась к вешалке с куртками, которые были плотно стиснуты, и начала их раздвигать и перебирать, пытаясь найти ценники и хотя бы приблизительно определить размеры. Она так увлеклась этим занятием, что не сразу заметила, как к ней подошла одна из продавщиц.

– Вам помочь? – прозвучало у Инны за спиной.

– Да, мне нужна куртка сорок шестого размера.

– На этой вешалке большие размеры, пойдемте, это в другом конце зала, – сказала девушка. Она вооружилась длинной рогатиной и направилась в дальний угол довольно обширного помещения.

И тут Инна вздрогнула. При каждом шаге продавщицы ее сапоги на высокой шпильке издавали тихое позвякивание – совсем как Катины, когда та ходила по комнате или по коридору, если в помещении не было шума. Инна замерла, уставившись на ноги девушки, но видны были только высокие каблуки и цепочки на черном голенище.

– Подойдите, я сниму куртку вашего размера, они у нас на верхней вешалке, – издали пригласила продавщица.

Инна вышла из задумчивости, подошла к вешалке с куртками и наугад ткнула в какую-то пальцем, косясь на сапоги девушки. Пока та тянулась своей рогатиной вверх и снимала куртку, Инна окончательно убедилась – сапоги Катины! Ну, или точно такие же! Или все-таки совпадение?

Инна уже открыла рот, чтобы спросить: «Откуда у вас такие необычные сапожки?», но тут же его захлопнула, и даже крепко сжала зубы, чтобы не высочило неосторожное слово. «Надо срочно сказать про сапоги Вадиму и следователю, мне она не ответит, только спугну», – метались в голове у Инны беспорядочные мысли.

– Мерить будете? Или другую снять? – девушка не понимала, что происходит с покупательницей: то ли думает о чем-то своем, то ли куртка не нравится.

Инна, опасаясь что-либо произнести, чтобы как-то себя не выдать, схватила куртку и, крутя головой, понеслась искать примерочную кабинку. Нашелся какой-то закуток с зеркалом, но без занавески, все на виду. Она наспех скинула пуховик, надела куртку и стала вертеться перед зеркалом, стараясь успокоиться и решить, что со своим открытием делать.

Тем временем, позвякивая цепочками на сапогах, к ней подошла продавщица и опять стала допытываться – не принести ли другую модель, если эта не подходит.

«Все, еще немного – и я не выдержу, начну ее допрашивать и все испорчу», – подумала Инна, решительно стащила куртку и сунула ее в руки девушки.

– Нет, спасибо, я, пожалуй, поищу в других магазинах что-нибудь... подороже! – выпалила она, торопливо надела пуховик и, не слушая уговоров продавщицы, понеслась к выходу.

Про обед Инна начисто забыла и, не заходя к себе и не раздеваясь, устремилась к кабинету Вадима – срочно сообщить о своем открытии. Но дверь оказалась заперта, и тут только она сообразила – еще минут двадцать придется ждать до окончания времени обеда, да вдруг еще он задержится или вообще куда-нибудь уехал, а у нее же мозг лопнет от распирающих его новостей! Ведь телефон-то у Вадима она не догадалась спросить!

И тут зазвонил ее собственный мобильник. Так, номер незнакомый, интересно, кто это?

– Алло!

– Инна, это Вадим, мы телефонами не обменялись, но твой я в базе данных отдела кадров нашел и записал на всякий случай. Я на Садовой, на обед выходил, увидел, как ты влетела в инспекцию и решил позвонить. Я через пять минут приду, зайди ко мне, там спокойно поговорить можно.

– Спокойно я не смогу, – ответила Инна, – давай быстрее! Жду тебя под дверью твоего кабинета, есть новости.

Вадим появился через пару минут, открыл дверь, и Инна с порога начала выкладывать главную новость – про сапоги.

– Да они точно Катины! – горячилась она, когда Вадим стал высказывать свои сомнения. – Я таких больше ни разу ни у кого не видела, и позвякивают тихонько, я на звук и среагировала.

– Ну, значит надо звонить следователю, – согласился Вадим. – Ее нашли без сапог и без пуховика, шапки с шарфом тоже нет, все признаки ограбления. Вполне может быть, что

на «Апрашке» и продали по-быстрому. С этим только местная полиция может разобраться, пусть Петров с ними свяжется. Сейчас ему позвоню по служебному телефону, а если его нет на месте – по мобильному.

– Николай Вениаминович? – уточнил Вадим на всякий случай, когда после череды длинных звонков трубку все же сняли. – Это Вадим, зам. по безопасности известной вам налоговой инспекции. У нас Смирнова Инна Владимировна – помните ее? – сегодня в обед зашла в один из павильонов Апраксина Двора и увидела на продавщице сапоги, очень приметные, по ее описанию – такие, как были на убитой девушке в день ее исчезновения. Я дам ей трубку, она расскажет, где и на ком... Вы к нам приедете? Ждем.

Вадим положил трубку и сказал Инне:

– Он сейчас заедет за тобой, покажешь эту девушку, пусть сами ее допрашивают и разбираются с этими сапогами. У них же в деле подробное описание Катиных вещей есть, экспертизу, если надо, проведут. А ты продавщицу ни о чем не спрашивала? Надеюсь, не спугнула?

– Естественно, нет! – возмутилась Инна. – Хотя, честно говоря, чуть не сорвался с языка вопрос, откуда, мол, такие сапожки классные. Но сдержалась; правда, поведение мое могло эту курицу насторожить: я куртку, которую примеряла, в руки ей сунула и сбежала, как ошпаренная. Так что надо бы поспешить этому Николаю Вениаминовичу, вдруг она что-то заподозрила. Снимет сапоги, спрячет, и не обыскивать же весь корпус...

В этот момент телефон Вадима зазвонил, разговор был кратким.

– Инна, – сказал Вадим, – через две минуты внизу у входа будет машина прокуратуры, спускаемся, быстро! Я с тобой поеду, думаю, все это ненадолго, вернемся вместе. Если тебя будет начальство искать, я потом отмажу. Не предупреждай никого, времени нет. Пошли!

Они сбежали вниз и сели в машину, где на переднем сидении их ждал следователь. По дороге Инна успела рассказать ему, в каком здании все происходило, и они подъехали прямо ко входу. Тут же к ним присоединились двое местных полицейских, видимо, Петров их предупредил по телефону.

Внушительная компания во главе с Инной, которая вырвалась вперед и мухой взлетела на второй этаж, ввалилась в отдел, забитый кожаными вещами. Покупателей не было, три продавщицы испуганно замерли у прилавка.

Вадим схватил Инну за руку и заставил остановиться, следователь, сдерживая смех, обратился к ней очень официально:

– Инна Владимировна, какую вещь вы опознали, когда посещали магазин час назад? Сапоги? Покажите их, пожалуйста.

Инна ткнула пальцем в сапоги, которые по-прежнему были надеты на ноги продавщицы, и начала что-то говорить, но ее остановили и вежливо попросили возвращаться на работу. Дескать, дальше без нее разберутся.

Пришлось подчиниться, Вадим тоже ушел вместе с Инной.

– У них же есть подробное описание Катиных сапог, – стал он уговаривать Инну, видя, что она обижена (еще бы, прогнали на самом интересном месте, а ведь это она нашла важнейшую улику!), – сейчас будут опрашивать эту продавщицу, может, в полицию повезут, сапоги будут изымать на экспертизу, это все с кучей формальностей, зачем тебе тут торчать? Я потом все узнаю у Петрова, расскажу тебе.

Да, кстати! Ты только смотри, никому не говори про эту операцию с твоим участием! Тайна следствия, это серьезно! Да и тебе самой незачем на «Апрашке» отсвечивать как свидетелю, народ тут тертый, все друг с другом завязаны, в том числе и местная полиция.

– Пошли, пошли, – тащил он упирающуюся Инну. – Помни, ты «аналитик», а не «оперативник», веди себя соответственно.

Инна невольно засмеялась, и ее вроде как немного отпустило жгучее желание лично поучаствовать в расследовании.

Пока они с Вадимом шли в инспекцию, Инна вдруг вспомнила, что ведь она ходила на свою прежнюю работу с определенным заданием – выяснить все, что сможет, касаясь Сергея Владимировича, Катиного жениха.

– Тыфу, да я же с этими сапогами совсем забыла еще кое-что важное! – воскликнула Инна и остановилась, схватив Вадима за руку. – Стой, давай расскажу!

– Подожди немного, давай хотя бы до инспекции дойдем, – попросил Вадим. – Нас с тобой уволят, да и все, совсем свою непосредственную работу забросили. Алла Игоревна уже, небось, рвет и мечет! И потом, я думаю, что эту продавщицу с сапогами, если, конечно, подтвердится, что они принадлежали Кате, полиция быстро раскрутит и выйдет на убийцу. Так что все остальное, видимо, большого значения не имеет.

– Ну, не знаю, не знаю, – протянула Инна обиженно, – там тоже кое-что интересное выяснилось. Не хочешь слушать – не буду говорить! Сама все проверю, без тебя обойдусь!

Естественно, Вадим пошел на попятный, и к тому моменту, когда они подошли к дверям инспекции, Инна с удовлетворением заключила, что добила нужного эффекта – он почти что упрасивал ее поделиться информацией, которую она «нарыла».

– Ладно, – смиростивилась, наконец, Инна, – расскажу, конечно, только, действительно, сейчас не время. Ты прав, хотя мне и неприятно это признавать, но надо все же поработать немного. Давай забегу к тебе часа в три, занесу список вычислительной техники нашего отдела, который ты просил составить, и поговорим.

В три часа забежать не получилось, и только около четырех часов Инна дошла до кабинета Вадима, держа в руках список техники как подтверждение того, что идет она к зам. начальника инспекции по служебной необходимости, а не почему-либо еще, как могут подумать некоторые чересчур наблюдательные сотрудники. И даже в дверь его комнаты постучала, и даже «можно?» громко спросила, смотрите и слушайте, уважаемые Марья Ивановна и Вера Петровна!

В кабинете Вадима Инна сразу открыла, было, рот, собираясь начать рассказ, но он приложил палец к губам и показал куда-то вниз. Из-под стола торчали чьи-то длинные ноги в джинсах и кроссовках. Там сидел один из программистов, Петя, и подключал новый компьютер. Инна спросила:

– Вы заняты? Позже зайти?

– Я уже закончил, – подал голос из-под стола Петя. – Сейчас вылезаю и уйду.

Он стал понемногу разворачивать скрюченные конечности и выползать наружу, что было непросто, учитывая его немалый рост и скромные размеры «подстольного» пространства. Наконец, Пете удалось выпрямиться, и он с облегчением выдохнул:

– Все! Вадим, я пойду к себе, подключу твой компьютер к сети, и можешь работать. С тебя пиво!

И ушел, громко топая одеревеневшими ногами.

Инна положила список Вадиму на стол и уселась рядом: если кто-то войдет, сразу видно – идет напряженная работа с документами.

– Так вот, – начала она, – моя подруга Татьяна лично Сергея не знает, а вот начальница моей прежней инспекции с ним давно знакома. И она говорит о нем как о вполне адекватном, хотя и несколько педантичном индивидууме, причем назвала его «молодым мужчиной».

Кроме того, она охарактеризовала Сергея так: «аккуратный, обязательный, на совещаниях выступает всегда по делу». Руководство его ценит – это мне уже Татьяна свои соображения добавила. По слухам, его собираются в Москву переводить, в главное Управление.

Инна сделала паузу и посмотрела на Вадима. Тот пожал плечами:

– Ну и что из всего этого следует?

– Самое интересное вот что, – продолжала Инна. – Наталья Николаевна (это начальница инспекции) за время своей двухдневной поездки в Москву на Коллегию ни разу Сергея не

видела. Нигде! Ни в поезде, в котором ехало большинство членов Петербургской делегации, ни в Управлении, ни в вестибюле, ни в зале заседаний, ни в гостинице, ни в обратном поезде из Москвы. Конечно, она могла и просто его не заметить, ведь специально-то не отслеживала. И все же это странно...

– Да был он там, – прервал ее Вадим. – В бухгалтерию билеты сдавал и квитанцию из гостиницы.

– Это еще ни о чем не говорит! – запальчиво возразила Инна. – Москва-то рядом, отмечился везде, где надо, и смотался в Питер, хоть на самолете, хоть на такси!

– Зачем? – задал резонный вопрос Вадим.

– Катюку убить! Или киллера нанять! – Инну явно начало заносить, фантазия разыгралась.

– Зачем? – повторил Вадим.

– Да кто его знает! – стояла на своем Инна. – Может, он только с виду такой респектабельный и суперпорядочный, а на самом деле ревнивец и собственник! Может, например, заподозрил Катерину в чем-то и прикатил разбираться, и тут – бац! В состоянии аффекта. В любом случае, очень странно, что Наталья его в Москве не видела ни разу. Как бы это проверить – был он все же на Коллегии или нет?

Наталья предлагает следующее: раз ты зам. по безопасности, можешь в нашем Управлении попросить списки с последней Коллегии, которые ведутся перед всякими совещаниями – ведь всегда отмечают, кто явился, кто присутствует.

– Так ведь списки эти в Москве, в главном Управлении, – возразил Вадим. – Надо туда звонить, а кто это будет делать? Впрочем, можно попросить мое начальство туда запрос направить, но как им объяснить, почему такой интерес?

– Да так и объяснить: не видели его там, – горячилась Инна, – только имен не называй, Наталья недовольна будет.

– Это не получится. – Вадим задумался. – Ты меня почти убедила, что-то не так с этим Сергеем. У меня есть такой вариант: я в эти выходные собирался ехать в Москву, у меня там сестра живет. Сейчас к ней наши родители из Новгорода ненадолго приедут, я хотел с ними со всеми повидаться.

Но ведь Управление в Москве в субботу и воскресенье не работает, попробую выпросить отгул у Аллы Игоревны и приехать туда в пятницу днем. Может, удастся что-нибудь раскопать.

– Отлично! – обрадовалась Инна. – Все, я побежала, пока-пока, до завтра!

– Подожди! – окликнул ее Вадим. – Телефон-то мой запиши, вдруг понадобится!

– Так ты же мне сегодня звонил, сейчас занесу в контакты! – на бегу отмахнулась Инна и понеслась в свой отдел.

До конца рабочего дня оставалось совсем мало времени, и Инна быстро начала раскидывать накопившиеся бумаги: письма, задания из Управления и служебные записки. При этом не раз вздохнула и с сожалением вспомнила добрым словом погибшую Катю, ведь та была отличным помощником, безотказным и понимающим.

Все остальные совсем не такие, разве что Жанна еще ничего. Елена Ивановна, конечно, знающий и опытный работник, но для нее семья и собственное здоровье на первом месте: то больничный неожиданно возьмет, то отпросится на полдня, и наплевать ей на всякую срочную работу.

Ирка вообще без царя в голове, надо ждать, когда повзрослеет. Три другие дамы тоже исполняют только конкретные и четкие задания, все надо подробно разъяснять, и не факт, что сделают. Ким и Рэм – просто балласт, непонятно, зачем может понадобиться этот «чемодан без ручки».

«Жаль, что поближе Катю узнать не успела, все о работе, да о работе говорили. А могли бы и подружиться, похоже, хорошая девчонка была», – с грустью думала Инна.

«Подружиться... а с кем-нибудь Катя вообще дружила? Никогда не замечала, чтобы она с кем-то болтала по телефону, как Ирка, например, и на городской ей никто не звонил. Сергей Владимирович, этот ее жених несостоявшийся, никаких подружек назвать не смог», – размышляла Инна, сортируя почту.

И вдруг ее осенило: был, был момент, когда Катя звонила подруге! Причем с ее, Инниного, мобильного! В конце рабочего дня примерно месяц назад, когда все уже собирались бежать по домам, вдруг пришло срочное задание из Управления, и Инна слезно попросила Катю с ней посидеть вечером: одной трудно справиться с огромной таблицей.

Та неохотно согласилась, только попросила Иннин мобильник – подруге позвонить, отменить встречу. Ее телефон разрядился, а зарядку она дома оставила. И Катя ведь точно тогда кому-то звонила, извинялась, говорила, что в другой день обязательно зайдет!

Инна схватила свой мобильник и стала быстро просматривать исходящие звонки; неизвестных номеров было совсем немного, и она быстро нашла то, что искала. Но вот проблема: как обратиться к Катиной подруге, чтобы та сразу же не бросила трубку, услышав незнакомый голос?

Впрочем, Инна не привыкла долго задумываться в неопределенных ситуациях и быстро нажала «вызов» – там видно будет, что говорить.

– Алло! – ответили быстро, после третьего звонка.

– Здравствуйте, это говорит начальница отдела налоговой инспекции, в которой работает ваша подруга Катя Анисимова. Меня зовут Инна Владимировна, можно с вами поговорить? – быстро произнесла Инна, очень довольная, что ей сразу ответили и не сбросили звонок.

– Да, Катя моя подруга, а как вы узнали мой телефон? – неуверенно ответила девушка. – И почему вы мне звоните?

– С Катей случилось несчастье, – неопределенно ответила Инна. – Ваш номер случайно остался в моем телефоне, она примерно месяц назад с него вам позвонила, когда ее телефон разрядился, а зарядки с собой у нее не было. Вы можете проверить у себя...

– Да, да, было такое, – торопливо сказала собеседница, – а что случилось с Катей?

– Извините, а как вас зовут? – спросила Инна, подбирая мысленно слова.

– Вера... – растерянно произнесла девушка.

– Понимаете, Вера, Катя пропала три недели назад. Ее не могли нигде найти, контактов ее знакомых ни у кого не было, и ваш телефон я догадалась поискать в своих исходящих звонках только сегодня. Дело в том, что вчера Катю нашли мертвой, причем погибла она при очень странных обстоятельствах.

– Как?! Как погибла?! Не может быть! – Вера, похоже, была потрясена. – Боже мой! Как же так? Что же делать-то?

– Да, ужасная история. – Инна не знала, что сказать. Соболезнования выразить? Так Вера вроде не родственница, да и не понятно – для нее это горе, или она просто испугалась чего-то.

– Вы не против, если я вам перезвоню через несколько минут? – после паузы сказала Вера. – Мне надо немного в себя прийти, Катя была моей давней школьной подругой. И, кстати, я вспомнила, мне Катя про вас рассказывала. Вы новая начальница ее отдела, так? Я перезвоню.

Рабочий день заканчивался, все разбегались кто куда, а Инна сидела и ждала звонка этой Веры – все равно надо почту до конца разобрать, вдруг что-то важное и срочное на столе валяется, а она целый день где-то носится и расследованием занимается. И тут в комнату зашел Вадим.

– Так, вроде мы не договаривались сегодня еще раз встречаться? – удивилась Инна.

– Пришел сообщить тебе, как напарнику, что выпросил на завтра у начальницы отгул и еду в Москву, – ответил Вадим. – И я очень тебя прошу, если будешь что-то предпринимать в

связи с нашим расследованием, обязательно мне звони в любое время. Дело-то опасное, непонятное. Сегодня мне Николай (следователь) сказал, что установили причину смерти Кати: ее задушили чем-то тонким, вроде провода. Вот так.

– Ничего себе! А я думала, что она замерзла и умерла. – удивилась Инна. – Послушай, я сегодня нашла в своих контактах телефон Катиной подруги и сейчас жду ее звонка.

Но только она в подробностях начала рассказывать Вадиму, как дело было, ее мобильник зазвонил.

– Это Вера, подруга Кати, – посмотрев на экран, сказала Инна и поднесла к уху телефон. – Вера, я вас слушаю!

– Инна Владимировна, я немного успокоилась и могу поговорить с вами о Кате. – сказала Вера. – Я нашла в своем телефоне ваш номер, действительно, Катя мне тогда позвонила и сказала, что не сможет приехать. Мы с ней увиделись на следующий день, Катя приезжала ко мне домой. Выходит, это оказалась наша последняя встреча...

– Вера, может быть, мы с вами встретимся и поговорим где-нибудь в спокойной обстановке? – предложила Инна. – Я еще на работе. Убийство Кати расследуется...

– Как убийство?! – ахнула Вера. – Вы же сказали... Впрочем, вы сказали, «Катя погибла». Господи, страшно-то как! Ведь она мне оставила... Да, нам надо встретиться! Вы не могли бы ко мне приехать? Сегодня?

– Вера, давайте, теперь я вам перезвоню через несколько минут, – осторожно ответила Инна. Она уже открыла было рот, чтобы согласиться на встречу, но Вадим делал ей такие отчаянные знаки, что она решила спросить его – что он хочет сказать?

– Ну? Что ты страшные рожи корчишь, что тебе не нравится? – недовольно спросила она Вадима, нажав на телефоне кнопку «отбой».

– Все не нравится! – Возмущенно рявкнул он. – Вот только что убеждал и умолял тебя – сама ничего не предпринимай, не лезь никуда со своим длинным языком! Зачем ты ей проболталась, что это убийство? Кто она и какое отношение может иметь к этому преступлению, ты знаешь? Куда ты ехать собралась, может, это притон какой-нибудь! Я же слышал, как эта Вера перепугалась, и, к тому же, Катя ей что-то оставила – что и зачем?

Инна и сама уже поняла, что выступила неудачно. Надо как-то урегулировать ситуацию, а то Вадим лишит ее статуса «аналитика» и выключит из расследования.

– Ладно, признаю, сболтнула лишнее, – примирительно сказала она. – Но раз уж я вычислила эту Веру, надо извлечь из ситуации максимум возможного! Подчеркиваю – ЭТО Я НАШЛА ТЕЛЕФОН КАТИНОЙ ПОДРУГИ! До меня никаких контактов Кати никто не смог обнаружить. Так что я с ней встречусь сама и попытаюсь войти в доверие. А тебе я этот телефон не скажу, вот! И не проси!

– Да ладно, не обижайся, – Вадим уже остыл и пошел на попятный. – Давай, договаривайся с этой Верой, узнавай адрес, я тебя провожу и подожду на всякий случай. Я сегодня поздним поездом в Москву уезжаю, так что постарайся все же не очень долго там беседовать.

Вера жила около станции метро, и Инна с Вадимом доехали быстро. Вадим, как заправский сыщик (по его представлениям), поднялся на верхнюю площадку между этажами довольно приличного старинного пятиэтажного дома и уселся на широкий подоконник, решив подождать Инну там. Дверь в Верину квартиру ему была хорошо видна.

Инна нажала кнопку единственного дверного звонка и отметила про себя: «Значит, это не коммуналка. Отдельная квартира, близко к центру, и стоит она, по-видимому, недешево».

Дверь открылась, и симпатичная девушка лет двадцати пригласила Инну войти.

– Проходите, пожалуйста, Инна Владимировна. – приветливо сказала Вера. – Я была просто потрясена вашим сообщением, что Катя погибла! Вы не представляете, какой это для меня удар. Я вас прошу, давайте помянем мою бедную подругу! Мне не с кем больше это

сделать, никаких других ее контактов я не знаю, а с другом ее, Сергеем, не знакома. При наших последних встречах Катя отзывалась о вас с большой симпатией, а мне так хочется с кем-нибудь поделиться своим горем!

Инна прошла за Верой в глубь квартиры, в уютную гостиную, обставленную светлой мебелью. На столе стояла тарелка с бутербродами, бутылка коньяка и две рюмки.

– А кто занимается похоронами Кати, этот ее жених Сергей? – спросила Вера.

– Пока еще неизвестно, когда полиция разрешит похоронить Катю, – ответила Инна. – Ведь это убийство («все равно уже проболталась», слегка запнулась Инна), и, пока идет расследование, хоронить нельзя.

Я и сама пытаюсь как-то помочь следствию, но никаких сведений о Кате у меня нет. Вот ваш телефон случайно обнаружила, и все. Никаких подробностей нам полиция не сообщает, так что я совершенно не в курсе, как идет расследование, – на всякий случай добавила Инна: вдруг Вера начнет выяснять детали, а она опять проболтается.

Но Вера расспрашивать не стала, только кивнула грустно. Они выпили, не чокаясь, и «аналитик» в голове у Инны запоздало просигналил: «Ой, не надо было пить, вдруг это ловушка?» Но ничего не произошло, и она решила – «будь что будет, в конце концов, „оперативник“ Вадим дежурит на лестнице, выручит, если что». И проголодавшаяся Инна смело и решительно взялась за бутерброд с колбасой – закусить-то надо, а то сразу развезет.

Вера, вздохнув, начала рассказ:

– Мы с Катей дружим, вернее, теперь уже дружили, с шестого класса, с того дня, как она появилась в нашей школе. Нам тогда было по двенадцать лет, я родилась в Ленинграде и всю жизнь живу в этой квартире, школа моя в двух кварталах отсюда. А Катя тогда приехала с мамой с севера, из какого-то маленького городка – у меня его название выпало из памяти, а Катя никогда не делилась воспоминаниями о детстве.

Катя появилась в нашем классе в середине учебного года, и одета она была довольно странно... не знаю, как описать... по-деревенски как-то и очень бедненько, на ногах что-то типа валенок с резиновой подошвой. И на нее сразу накинулись наши классные «крутые», детки «новых русских», стали издеваться, задирать по-всякому.

Мне так ее жалко стало! На следующей перемене подошла к ней, заговорила, предложила сесть со мной на мою любимую последнюю парту. Там я сама тоже пряталась от этих гадов, потому что в те годы они устанавливали свою власть в школе, а учителя слово сказать не смели: чуть что – ученички эти жаловались родителям, что их права нарушаются, и те прибегали разбираться к директору, иногда и с пистолетами.

Ну вот, так мы с Каткой и оказались в изоляции в нашем классе. Мы-то с ней хотели учиться, а большинство приходило потусоваться и какую-нибудь жертву выбрать да поиздеваться над ней всласть. Но нас-то все-таки было двое, и нам удавалось отбиваться от нападков, так что со временем «крутые» нас оставили в покое. Так что у Кати я оказалась единственной подругой.

Она и по характеру была очень закрытым человеком, даже замкнутым, я за годы учебы очень мало что о ней узнала.

Когда мы стали постарше, я стала догадываться, что ее мама ведет довольно странный образ жизни: во-первых, они часто переезжали, иногда в какие-то отдаленные районы, но Катя школу не меняла никогда. Порой пешком приходила ко второму уроку, денег на транспорт не было.

Во-вторых, она никогда не говорила, кем мама работает, и та никогда в школу не приходила. Но Катя никогда не делилась со мной своими проблемами, и только примерно два года назад я многое от нее узнала.

Ее мама, как я поняла, всю жизнь занималась только одним – поиском мужчины, который бы ее содержал. Катя была, естественно, помехой в этом деле, хотя мать ее, видимо, любила,

чего нельзя сказать о часто меняющихся сожителях. Обычно все бурные романы Катиной мамы завершались плачевно – или очередному «благодетелю» они обе надоедали, или он начинал приставать к Кате.

Тогда, после обязательного скандала, мама с дочкой съезжали по месту прописки, куда-то в Петродворец, в комнату в бывшем бараке. Но ненадолго, к мамочке приходила следующая любовь – и снова следовал переезд на новое место жительства. Красивая она женщина была, я ее всего несколько раз и видела. Катя в нее уродилась, даже еще лучше.

Так вот, Катька мне признавалась, что, насмотревшись на все это, она для себя твердо решила – никогда ни в какую зависимость от мужиков не попадать. Хоть голодом, хоть в бараке, но получить образование и самой зарабатывать себе на жизнь – только так!

Училась она хорошо, очень старалась, и за меня, лентяйку, иногда какие-нибудь дополнительные работы по математике делала – говорила, для тренировки. Когда школу мы закончили, она поступила на бюджет в финансовый институт, сразу нашла работу и подработку еще какую-то. Видеться мы стали редко.

Примерно год назад Катя ко мне приехала и рассказала, что у нее появился мужчина, он старше ее и настойчиво предлагает выйти за него замуж. Но замуж она не хочет выходить, боится впасть в зависимость – это у нее почти навязчивой идеей стало.

К тому же, он ее начальник, и она не может оставаться на прежнем месте работы все по той же причине, так что придется ей уходить. Про любовь разговора не было: я никогда не лезла Катерине в душу, поэтому – какие с ее стороны были к этому человеку чувства – сказать не могу.

– Хотя что-нибудь она говорила про Сергея? Ну, может, какие-то черты характера подмечала или впечатлениями о его родственниках делилась? – Инна попыталась свернуть разговор на более близкую тему.

– Говорила, что он очень спокойный и уравновешенный человек, а о родных его она ничего толком не знает, – Вера на минуту задумалась. – Однажды пожаловалась, что он очень ревнивый и пытается контролировать каждый ее шаг, а ее это бесит.

Она стала протестовать и пригрозила, что уйдет, и он очень испугался и стал оправдываться – мол, любит ее очень и боится потерять. Я думаю, что именно так все и было с его стороны. Все-таки он немолодой уже, а Катька такая красавица была...

– Так, может, у нее соперницы какие-нибудь были, – вдруг пришло в голову Инне. – Красивая, муж начальник, вот и возненавидели.

– Никакими подозрениями Катя со мной не делилась, – покачала головой Вера и добавила, – я вспомнила про родственников Сергея. Она однажды сказала, что у него недавно умер отец, но я ни о чем ее расспрашивать в тот момент не стала. Ведь она сама тогда только что пережила такое же горе из-за болезни и смерти мамы, едва немного успокоилась...

Вера минуту помолчала, потом решила и сказала:

– Инна Владимировна, я не знаю, как вы к этому отнесетесь, но у меня к вам будет просьба, связанная со смертью Кати.

– Вера, не беспокойтесь, я буду держать вас в курсе относительно похорон, – начала было Инна, но Вера ее прервала:

– Инна Владимировна, я о другом. Дело в том, что Катя примерно месяц назад приехала ко мне и передала мне какой-то сверток на временное хранение. Она сказала, что в квартире, где она живет с Сергеем, держать его она не хочет – якобы места мало, но это ерунда, сверток совсем небольшой.

Думаю, она по каким-то причинам не хотела, чтобы Сергей его увидел. А в своей комнате в Петергофе она не может ничего хранить – там живут соседи, из ее мебели только маленький шкафчик, забитый вещами под завязку, и это правда.

Ну я, конечно, взяла эту вещь и пообещала никому о ней не говорить и не показывать, отдать только ей. Что там, в свертке, я не знаю – не любопытная я, и с Катей мы всегда доверяли друг другу. Но теперь, раз ее убили, я бы хотела избавиться от этой вещи, что-то мне страшно стало: вдруг она как-то связана с преступлением? Я бы хотела отдать ее вам, вдруг там есть что-то, что поможет расследованию. Возьмете?

– Ну конечно! – не задумываясь, ляпнула Инна. И только через пару секунд сообразила: а вдруг там что-то опасное – наркотики, взрывчатка... Ведь почему-то эта «школьная подруга» Вера хочет как можно скорее отдать кому-нибудь это «неизвестно что», для чего, видимо, и затеяны поминки с воспоминаниями.

Но было уже поздно. Вера вышла в соседнюю комнату, вернулась очень быстро и принесла какой-то небольшой предмет, завернутый в газету «Метро».

– Я дам вам пакет с ручками, у вас сумка маленькая, – приговаривала Вера, засовывая сверток в красивый полиэтиленовый мешок и вручая его Инне.

Инна поняла, что посиделки закончены, распрощалась с хозяйкой и вышла на лестницу. «Интересно, Вадим еще здесь или не выдержал – ушел, ведь ему еще на поезд успеть надо», – думала Инна, с опаской озираясь на полутемной лестнице. Никого не видно. Инна быстро спустилась, с облегчением выскочила на улицу и пошла в сторону метро. Тут же ее догнал Вадим и недовольно сказал:

– Ну ты и долго! Я уж хотел идти тебя вытаскивать, подумал, вдруг что-то случилось.

У Инны зазвонил мобильник, она на ходу посмотрела и удивилась:

– Вера звонит, может, я что-то у нее забыла?

– Алло, Инна Владимировна, – раздался в трубке взволнованный голос Веры. – Вы только вышли, и за вами сразу из парадной выскочил какой-то мужчина, я в окно увидела. Я просто вас предупреждаю на всякий случай...

– Вера, не беспокойтесь, это мой... – Инна покосилась на Вадима, – молодой человек, он просто меня дожидался, пока мы у вас сидели. Все в порядке, спасибо, до свидания!

– Отлично! – оживился Вадим. – Меня возвели в ранг «молодого человека», быстренько перевели из разряда «мы коллеги, мы вместе работаем».

– Размечтался! – фыркнула Инна. – Это я только для Веры сказала, мы же работаем «под прикрытием». Ведь так это называется? Ты в службе безопасности работаешь, должен знать.

– Ну ладно, ладно, некогда пререкаться. Мне бежать надо на поезд, быстренько изложи, что ты у этой Веры интересного узнала. И в руках пакет какой-то появился, это что?

– Да Вера поделилась своими воспоминаниями о Кате, они, оказывается, с детства дружили. – ответила Инна. – Ничего особенного, Сергея она даже ни разу не видела, других общих знакомых не знает. Трусиха она ужасная, вот, отдала мне какую-то Катину вещь, которую та ей на хранение оставила.

Вера эта как услышала, что это убийство, перепугалась страшно. Я думаю, она и «поминки» для меня устроила, чтобы избавиться от этого предмета. Якобы она не заглядывала в сверток и не знает, что там. Похоже на какую-то книгу или альбом, дома посмотрю и тебе потом все подробно расскажу, давай, беги, а то на поезд опоздаешь.

Они дошли до станции метро и разъехались каждый в свою сторону.

Дома умирающая от усталости и голода Инна первым делом стянула проклятые сапоги, потом сняла пуховик и босиком прошлепала на кухню, наслаждаясь прикосновениями холодного линолеума к отекившим пылающим ногам. Голова болит и кружится (коньяк на пустой желудок как-то не пошел), ноги рвет, живот подвело – да, ничего себе денек выдался!

«Надо как-то утихомирить организм, – думала Инна, – для начала – поесть бы чего-нибудь горячего, вроде борща со сметанкой или, на худой конец, картошечки с котлеткой...

Размечталась! Ведь нет ничего, кроме пельменей в морозилке, вот такая ты хозяйка! Так что – чайник на плиту, кусок старой булки в зубы и спать».

Инна включила газ, поставила на конфорку полупустой чайник (даже воду отфильтровать вчера забыла, бездельница!) и, постанывая и охая, поплелась к холодильнику, где хранились запасы хлеба и булки, сделанные с неделю назад.

Хорошо, что подружки, такие же безалаберные, как она, поделились этим методом сохранения продукта, правда, шли споры: что лучше – в морозилке или в холодильной камере на полке? Инна хранила на полке, так ей казалось вкуснее.

Сюрприз! Хлеба, оказывается, совсем нет, а половинка батона покрылась синей плесенью, и когда она только успела? Какая подлость! «Да пропади оно пропадом, это расследование! – ругалась про себя Инна. – Все, хватит! Завтра пятница, короткий день, займусь хозяйством и наготовлю себе жратвы на неделю! Или даже на две!»

Чайник закипел, засвистел тоненьким голоском, и Инна снова поковыляла к плите, хоть кипятку со вчерашней заваркой выпить. Все же поставила на огонь кастрюльку с водой: остаток пельменей надо сварить на завтра. Когда пельмешки сварились, не удержалась и слопала все шесть штук – завтра что-нибудь придумается! В сон потянуло неудержимо, и она с трудом заставила себя доползти до ванной, а потом до дивана и провалилась в темноту.

Утром, естественно, проспала, наспех выпила остаток заварки и побежала на работу. И только там вспомнила – полиэтиленовый мешок с неведомой Катиной вещью она вчера бросила в прихожей на обувную полку и даже не заглянула, что там в свертке! Придется терпеть до вечера.

«Все равно Вадима нет на работе, поделиться не с кем, даже если что-то важное для расследования я там и обнаружу», – думала Инна, разбирая кучу документов: вчера не закончила сортировку, к Вере побежала, а с утра еще толстенную пачку начальники подсыпали.

В конце рабочего дня Инне на мобильный позвонил Вадим.

– Инна, я тут кое-что узнал, – торопливо заговорил он, – но думаю, это имеет мало связи с нашим делом. Пока ты на работе, не могла бы ты через свою подругу узнать что-нибудь о бывшей сотруднице налоговой инспекции, номера которой я не знаю, Семеновой Марине Сергеевне.

Вроде как она в Питере раньше работала, а года три назад переехала в Москву. Наверное, через отдел кадров искать надо? Потом все объясню, попробуй, может, сегодня что-нибудь еще успеешь! Пока, позвоню вечером!

– Ну ты даешь, как же я успею? – запоздало возмутилась Инна, но Вадим уже отключился.

Инна вздохнула и стала звонить Татьяне, а кому же еще? У нее самой в отделе кадров подружек пока что не завелось.

– Кадровичка наша сейчас не будет уже ничего смотреть, в понедельник могу ее попросить, – ответила Татьяна. – Инна, да не ной ты! Что за срочность такая? Подождет твой Вадим, все равно выходные впереди.

Подожди-ка, я вот что придумала! У меня старые журналы телефонов по всем инспекциям сохранились, на черновики оставила. Сейчас попробую просмотреть, может, найду твою Семенову.

Через полчаса Татьяна перезвонила Инне.

– Нашла, – без предисловий сообщила она. – В журнале четырехлетней давности Семенова Марина Сергеевна числится заместителем начальника отдела в той же инспекции, где сейчас начальником известный нам Сергей Владимирович. Но на тот момент он еще там не работал. А вот в свежем журнале, за этот год и за прошлый, Семеновой нет. Похоже, она куда-то ушла из нашей системы. Устраивают тебя такие сведения? Все, по домам пора бежать! Чао!

– Спасибо! – обрадовалась Инна, но в трубке уже звучали гудки: Татьяна явно не хотела продолжать общение.

Но что-то все же удалось узнать! Инна перезвонила Вадиму, но он снова ничего объяснить не стал.

– Спасибо, это очень интересно! Я сейчас занят, вечером позвоню, – и отключился.

Инна успела услышать разноголосый шум движущегося транспорта и сбивающееся дыхание Вадима, похоже, он куда-то быстро шел по оживленной улице.

«Что же, впереди два выходных, надо наконец заняться своими делами», – решила Инна и твердой походкой (в старых, удобных сапогах!) направилась к метро – первым делом надо обеспечить себя едой, значит, нужно ехать в свой район, не тащить же продукты из центра.

Впрочем, ее Малая Охта тоже теперь почти «центр», крупных гипермаркетов тут нет, но зато имеется масса всяких «Семёрочек» и «Славянок» – Инна хихикнула, вспомнив сцену у Татьяны. Зато нести домой продукты недалеко, ведь придется и картошки купить.

Около восьми часов вечера Инна, пыхтя, дотащила тяжелые сумки на четвертый этаж «хрущевки» и, ввалившись в тесную прихожую, с удовлетворением оглядела свою «добычу» – на неделю беззаботной жизни должно хватить. Однихпельменей три большие пачки! Да еще сардельки, курица, сыра целая головка, картошка, макароны и куча всего по мелочи.

«Вот черт, сахар забыла! И лимон – ведь помнила же, когда в магазине была, – отругала себя Инна. – Ничего, впереди выходные, составлю список и все докуплю».

Есть хотелось невыносимо, и пришлось опять быстренько варить те же надоевшие пельмени и пить пустой чай, а ведь так мечтала о крепком чае с лимоном! Хорошо, что догадалась купить свои любимые мармеладки – слопала сразу почти всю пачку. После сытного ужина на Инну навалилась дремота, сказывалась усталость последних суматошных дней, и она уснула на диване под бормотание телевизора.

Ее разбудил приглушенный звонок мобильного. «Боже, уже одиннадцать, – ужаснулась Инна, – проспала весь вечер! Где же телефон-то?» Она с трудом сообразила, что, придя домой с продуктами, не доставала его из сумки, и бросилась в прихожую.

Мобильник заходился в истерику, молния застряла в середине застёжки, и Инна, перевернув сумку, изо всех сил стала ее трясти. Естественно, на пол вывалилось все содержимое, мобильник выпал последним, но продолжал бодро тренькать, пока не оказался, наконец, у Инны в руках.

– Алло! – торопливо пробормотала она охрипшим после сна голосом.

– Инна, привет, это Вадим! – услышала Инна. – Ты долго не брала трубку, можешь говорить, или тебе неудобно?

– Да нормально все, я заснула просто и не могла спросонья телефон разыскать. Что у тебя нового? – спросила Инна.

– Я сегодня целый день занимался нашим делом – понимаешь, о чем я? – ответил Вадим. – Похоже, зря потратил время, кое-что о Сергее выяснил, но это вряд ли имеет отношение к преступлению. Приеду, расскажу подробнее. А ты посмотрела, что там в свертке, который Вера отдала?

– Послушай, когда мне было это делать? – возмутилась Инна, которая, если честно, совершенно забыла о существовании этого самого свертка. – Вот только что в дом вошла, сейчас и посмотрю, – неловко соврала она.

– Ты же сказала, что спала, – засмеялся Вадим, – забыла уже? Ладно, все с тобой понятно, продолжай отдыхать. Я в воскресенье приеду, тогда и поделимся информацией.

Инна почувствовала укол совести: как она могла забыть о таком важном деле! Хотя бы развернуть и посмотреть надо было, что там в этом свертке. Или лучше уж завтра? «Душ приму и посмотрю», – решила она, и, зевая, пошла в ванную, из которой доносился какой-то странный свист. «Трубы, что ли, поют?» – лениво подумала Инна и щелкнула выключателем.

В ванной раздался хлопок – видимо, перегорела лампочка. Инна распахнула дверь, чтобы попадал свет из прихожей, сделала шаг вперед и взвизгнула: нога оказалась по щиколотку в горячей воде.

На полу плескалась довольно глубокая лужа, а из батареи, висящей на стене, со свистом била тонкая струйка воды с паром. «Вот спасибо, дали наконец отопление! Дождались! Что делать-то теперь?» – запаниковала Инна.

Она быстро побросала на пол все тряпки и полотенца, попавшие под руку, и подставила тазик под фонтанчик, бьющий из змеевика. Отжала несколько раз в ванну тряпки, вроде воды на полу стало поменьше, может, к соседям и не протечет. Теперь срочно надо звонить в «аварийку», хотя времени уже двенадцатый час ночи!

Районная аварийная служба ласковым женским голосом долго выражала Инне благодарность за терпение и предлагала ждать ответа: «Ваш номер очереди – первый», – обнадеживала она и включала приятную мелодию. Через десяток таких сообщений взбешенная Инна чуть не разбила телефон, но вовремя вспомнила, что он ее единственная надежда на помощь.

Она бросилась в комнату и, прижимая плечом к уху телефон с журчащей безмятежной музыкой, схватила за справочник «Желтые страницы», который уже с полгода мирно лежал на стуле перед компьютером – чтобы сидеть было повыше и потверже. В толстенном томе с трудом, но нашелся телефон городской аварийной службы, где пообещали связаться с районом и прислать мастеров.

Всего через пару часов, заполненных отжиманием тряпок и задушевными беседами с соседями (все же на пару этажей вниз протекло), на лестнице раздался топот тяжелых сапог, и в дверях возникла пара колоритных мужчин. Измученная Инна готова была броситься им на шею, но они только взглянули на свистящий фонтан и молча стали спускаться.

– Стойте! Куда вы? Что делать-то?! – в отчаянии завопила Инна.

– Стояк вам отключим, а в понедельник звоните в «жилконтору» своему мастеру и договаривайтесь о замене батареи, – через плечо бросил один из сантехников, и они скрылись в подвале.

Свист затих, фонтан иссяк, батарея снова остыла, и Инна, убрав остатки воды, кое-как помылась и поплелась спать.

Наутро первой мыслью Инны было – как ей решить неожиданно возникшую проблему с батареями? Соседи с нижних этажей требовали срочно, любым способом починить прохудившийся «змеевик» и включить, наконец, отопление в совмещенных санузлах пяти этажей, где уже по стенам пошла черная плесень. А Инна еще добавила им сырости своей аварией! В общем, она оказалась «крайней», во всем виноватой, и соседка снизу громко орала ночью у нее под дверью и грозила подать в суд.

Выходило, что без помощи родителей Инне не обойтись – ведь она с утра до ночи на работе, кто-то должен быть дома целый день или, может быть, два. А главное – надо в понедельник с «жилконторой» договориться о сроках ремонта, та еще задачка! «Надо звонить маме», – решила Инна и, не вылезая из постели, набрала номер родителей.

– Мамуля, доброе утро, у меня ужас какая проблема! – зачастила Инна. – Без твоей помощи я пропаду просто! Батарея лопнула, ее надо менять! Соседей залила горячей водой, в суд подают! А мне в понедельник на работу обязательно надо! Поможешь, а?

– Доченька, я бы и рада тебе помочь, но мы с папой заболели сильно, – хрипло прозвучало в трубке. – Грипп, наверное.

– Ой, мамочка, прости! – спохватилась Инна. – Я тебя сразу своими проблемами грузить начала, даже не спросила, как у вас с папой дела! Температура высокая?

– Да. Тридцать восемь и пять сегодня, уже три дня держится. – с трудом ответила мама.

«Какая же я свинья, только о себе всегда думаю! Вот и пришла моя очередь о родителях позаботиться», – подумала Инна.

– Ма, я сейчас быстренько поем и к вам приду, – решила она. – Скажи только, какие продукты купить. И лекарства, если нужны, или у тебя есть? И коту тоже, наверное, что-нибудь надо?

– Инночка, да не надо приходить, есть совсем не хочется, мы с папой жаропонижающие пьем, – стала вяло отнекиваться мама.

Но Инна не стала ее слушать, быстро позавтракала и побежала в магазины по вчерашнему маршруту, только в обратном порядке – от дома к метро, и дальше дворами к дому родителей, радуясь, что живут по соседству.

Несколько лет назад, в тот период, когда Инна без остановки крутила бурные романы со сверстниками и того и гляди должна была выскочить замуж, ее родители купили для любимой доченьки очень недорогую двухкомнатную «хрущевку» в пятиэтажном блочном доме на той же Малой Охте, где они и сами жили. Хотели, в случае ее замужества, уберечь свою темпераментную дочь от необходимости уживаться с родными будущего мужа, да и себя обезопасить от возможных семейных конфликтов.

Квартира была совершенно «убитая», пожилая бабуля продала ее очень дешево и уехала жить к детям куда-то на юг. Инна с присущим ей энтузиазмом взялась за ремонт, потребовав, чтобы родители не вмешивались в процесс: «Вы и так все свои накопления потратили, сама справлюсь!» – самонадеянно заявила она.

Но все оказалось не так просто: множество мелких работ, типа установки розеток и подвески карнизов, женским рукам не давались, не говоря уж о крупных – штукатурка, побелка, поклейка обоев. Приходилось на каждом этапе нанимать мастеров, поэтому деньги улетали, как будто их огромным пылесосом куда-то утягивало, и Инна загрустила.

В этот момент в ее жизни и появился Женя, с которым она случайно познакомилась в метро, и проявил себя с самой лучшей стороны – что-то привинтил, что-то повесил, в общем, оказался в нужное время в нужном месте. И Инна дала слабину – недолго думая, согласилась выйти за него замуж.

Но ремонт закончился, и им обоим быстро стало понятно, что они «совершенно разные люди» – типичная формулировка несостоявшихся супружеских пар. Какое-то время они честно пытались приспособиться друг к другу, но взаимное раздражение накапливалось и вылилось через два года совместной жизни в громкие скандалы по каким-то совершенно ничтожным поводам.

Последней каплей послужило изгнание любимого кота Барсика, которое Инна мужу простить не смогла.

– Я Барсика знаю дольше, чем этого Женю! – рыдала она, когда мама пришла к ней с кошачьей переноской забирать рыжего хулигана к себе. – Все, развожусь, и не уговаривайте меня! Гад, тиран, человеконенавистник!

Барсик поглядывал на Инну весьма презрительно, прижимался к маминым ногам, терся, выгибал спину и всячески демонстрировал ей свое кошачье расположение. Вот, дескать, отныне это моя настоящая хозяйка, ей все ласки и достанутся, а не этой предательнице!

Родители, собственно, и не уговаривали Инну не разводиться. Мама только спросила – почему «человеконенавистник», ведь речь идет о коте? На что Инна с пафосом заявила:

– Враг моего кота – мой враг! Значит, он и людей ненавидит!

Развелись быстро, испытав от этого глубокое облегчение. Женя мирно съехал в свою комнату в коммуналке, Инна осталась в несколько опустевшей квартире и, наконец-то, серьезно занялась своей карьерой в налоговой инспекции.

Теперь никто не строил недовольных рож при ее непредсказуемых задержках на работе, неубранной посуде на кухне и отсутствии еды в холодильнике. Иногда мама приносила про-

дукты и готовила что-нибудь типа щей и котлет, иногда Инна сама что-то жарила или варила, в общем, приспособилась к холостяцкой жизни.

И вот теперь пришла ее очередь хоть как-то помочь родителям. Продукты были быстро закуплены в тех же магазинах, что и накануне, и лимоны не забыла, и апельсины, и сахар на всякий случай, хотя у запасливой мамочки уж песок-то наверняка имеется.

Убедившись, что родители, лежащие в разных комнатах, пребывают в «удовлетворительном» состоянии и врача можно не вызывать (в субботу ведь только «неотложка» сможет приехать, еще ругаться будут – «зачем с обыкновенной простудой занятых врачей дергаете»), Инна сварила куриный супчик и рисовую кашу.

Такой едой ее саму мама кормила, когда она заболела, вот только клюквы на кисель Инна не купила, все-таки забыла кое-что. Ну, ничего, у мамы наверняка варенье брусничное есть, с кашей очень даже вкусно.

– Ма, у тебя варенье есть? Давай, я достану, – крикнула она из кухни.

– Есть, в кладовке на второй полке, – ответила мама. – И себе возьми баночку, оно вкусное.

– Сейчас достану и пойду, – ответила Инна. – Надо с отоплением как-то разбираться. Выздоровливайте, целую! Вечером позвоню!

«Да, как ни оттягивай решение вопроса, что-то делать все равно придется», – думала Инна, спускаясь по лестнице. Но что? Раньше такие вопросы решал «бывший» Женька, который на своей работе мог появляться когда угодно – никто слова не скажет: все сотрудники в этом архитектурном бюро работали только при наличии заказов, которые бывали редко.

«Мы – творцы!», как позиционировал себя муж, выказывая свое пренебрежительное отношение ко всякой совершенно «не творческой» деятельности типа Инниной налоговой службы. Это и послужило одним из факторов, приведших к полному развалу их отношений, хотя, конечно, имелись и другие.

«Тьфу, что это я опять в воспоминания ударилась? – остановила себя Инна. – Женька в прошлом, и очень хорошо, не нужна мне его помощь в обмен на постоянное присутствие в моем доме. Родители больны. Все, начинаю действовать!»

Прибежав домой, Инна схватила «Желтые страницы» и начала поиски – ведь должны же во времена торжества рыночной экономики существовать фирмы по ремонту сантехники. Или батареи не сантехника? А тогда что?

В первой же конторе, которая откликнулась на звонок в выходной день, ее просветили: замена приборов отопления требует согласований с «жилконторой», а это обязательное и ответственное мероприятие до понедельника исключено.

С трудом, потратив час времени, Инна нашла то, что искала – мастера согласились приехать, заменить «змеевик» и решить через аварийную службу вопрос с включением отопления, якобы они владеют искусством договариваться с ними в любое время дня и ночи. Но стоит это будет... Инна поперхнулась, услышав сумму, и сказала, что подумает и перезвонит.

Думала она минут пять и, придя к выводу, что вариантов нет, согласилась на их условия. «Опять без денег до зарплаты сидеть! Хорошо, хоть продукты себе и родителям купила», – вздохнула Инна и пошла разгребать свой совмещенный санузел к приезду ремонтников.

Мастера провозились до вечера, потом последовала уборка самой большой грязи, потом чистовая уборка, потом уборка собственного Инниного организма, измученного ремонтом, потом, наконец, появилась возможность спокойно поесть. Аллилуйя!

Однако, продукты со вчерашнего вечера остались лежать в холодильнике не распакованными ввиду чрезвычайных обстоятельств, и Инне пришлось опять ограничиться пельменями («хорошо, что с запасом купила!») и чаем с маминым вареньем.

– Мамочка, как у вас дела? – спросила Инна, набрав номер родителей.

– Да все хорошо, температура к вечеру спала и у меня, и у папы, – ответила мама. – Сейчас тридцать семь и два, почти нормально. А у тебя что с ремонтом?

Инна в красках расписала все свои перипетии последнего дня, правда, сумму оплаты сильно занизила – ведь наверняка, если сказать правду, мама расстроится, узнав о такой трате, а зачем ей это? Будет переживать, что не смогла помочь дочке.

– Ма, я сегодня тогда больше не пойду к вам, ладно? Устала очень, и голова мокрая. Завтра позвоню и приду, – зевая, сказала Инна и, не слушая уговоров мамы, чтобы она и завтра не приходила, послала в телефонную трубку «поцелуйчик» и положила ее на аппарат.

Тут же телефон снова ожил и разразился длинными междугородними звонками. «Черт, это же, наверное, Вадим звонит! А я опять забыла про этот несчастный сверток! Не буду брать трубку, нет меня дома, и все!» – задергалась Инна. Звонки прекратились, но через минуту заиграл ее мобильник – опять звонил Вадим. Инна, вздохнув, поднесла трубку к уху.

– Инна, добрый вечер! Я пытался тебе домой по городскому телефону позвонить, так дешевле, но ты не отвечаешь. Можешь говорить? Или тебе сейчас неудобно? – забеспокоился Вадим, поскольку Инна молчала и обдумывала, что сказать в свое оправдание.

– Да, могу говорить, я дома, просто не успела подойти к телефону, – Инна решила пожаловаться на жизненные трудности. – У меня такая авария была, просто ужас! Батарею прорвало ночью, соседей залила, воду аварийщики отключили! Родители заболели, с температурой лежат! А сегодня наняла какую-то фирму батарею поменять, так они целый день провозились, вот только что ушли. Денег содрали немерено! А грязи сколько! – Инна несколько преувеличила свои несчастья, рассчитывая на сострадание и снисхождение.

Инну мучили угрызения совести. В конце концов, ведь это она сподвигла Вадима на поездку в Москву в пятницу, хотя он собирался только на выходные, а сама такую мелочь сделать не может – посмотреть, наконец, что же там такое завернуто в пакете!

Расчет оказался верным, Вадим ничего не стал спрашивать про сверток.

– Бедолага! – сказал он с сочувствием. – Ну, хорошо, хоть родители недалеко от тебя живут, не так много времени потратишь на беготню.

– Стоп, а ты откуда это знаешь? И телефон мой городской я тебе не давала! – насторожилась Инна.

– Не тупи, аналитик, – засмеялся Вадим. – У меня же на работе сведения по всем нашим сотрудникам в базе данных имеются. Со всеми подробностями, и про родителей все есть. Так что про любую интересующую меня личность я многое могу легко узнать. Ну ладно, отдыхай, в понедельник увидимся!

Инна отметила «интересующую меня личность» и пришла в хорошее настроение, сама не понимая, от чего. Хотя, в общем-то, все понятно – приятно же, когда тобой мужчина интересуется. Или этот интерес только на почве совместного расследования возник?

«Ну и ладно, какая разница, – думала Инна, – мне он тоже интересен только как „напарник“, дающий возможность приобщиться к делу об убийстве Кати. Со мной-то следовательно не будет обсуждать ход расследования».

Днем раньше, в пятницу, в восемь часов утра, Вадим вышел из поезда на перрон Ленинградского вокзала. «Не буду с утра звонить своим, – решил он, – обещал ведь только в субботу утром приехать. Сделаю свои дела и позвоню». И он поехал в Управление.

Адрес конференц-зала, где проходила Коллегия, он узнал еще в Питере и, добравшись туда на метро, направился напрямик в местную службу безопасности. Ее начальника он немного знал, они были знакомы еще по совместной учебе на курсах подготовки. Пришлось объяснять, как есть: дескать, в связи с подозрениями, которые возникли у него лично, он хочет удостовериться, что Парфенов Сергей Владимирович действительно присутствовал на последней Коллегии. И все.

Коллега пожал плечами и предложил посмотреть запись с камеры наблюдения из вестибюля, где проходила регистрация участников.

– Смотри сам, – предложил он, – если узнаешь своего Сергея – скажи. Только там такие толпы были, что вряд ли у тебя что-то получится.

Но оказалось, что Сергей Владимирович пришел чуть ли не первым – недаром все отмечали его пунктуальность и обязательность. Вадим сразу его узнал, хотя до этого видел только фотографию в личном деле и один раз мельком в кабинете у следователя.

Сергей подошел к столику регистрации, передал свое удостоверение сотруднице, и она записала данные в свой журнал. Затем пошел по направлению к лестнице, которая вела на второй этаж, где, видимо, и находился зал заседаний. Вадим внимательно следил за его перемещениями.

И тут Сергея догнала какая-то женщина, загородила ему проход и начала что-то говорить, сильно жестикулируя и тесня его к колонне. Видимо, такой натиск оказался для Сергея полной неожиданностью. Он отступил, и пара скрылась из зоны видимости камеры за массивной колонной.

– Игорь, подойди! – позвал коллегу Вадим. – Я нашел своего, только, похоже, его тут ждали. Можно отмотать назад? Надо посмотреть, откуда взялась эта женщина.

– Какая еще женщина? – удивился Игорь. – Тут все свои, налоговые. Давай смотреть с начала.

– Вот, вон она сидит за крайним столиком, – ткнул пальцем в экран Вадим. – Она за ним наблюдает. Как только он отходит, она вскакивает и бежит за ним.

– Ну, наверное, знакомого увидела, – предположил Игорь. – Давай дальше посмотрим, когда они из-за колонны выйдут.

Не выходила парочка довольно долго, а когда появилась в поле зрения, то направилась совсем не в конференц-зал, а куда-то под лестницу. Причем дама двигалась несколько впереди и очень решительно, а Сергей плелся за ней, опустив голову и еле переставляя ноги.

– А где у вас гардероб? – спросил Вадим. – Сергей в пальто хотел на заседание идти?

– Гардероб как раз в подвале, куда его эта дама и повела, – ответил Игорь. – Он просто не успел туда пойти, когда она налетела. Сейчас посмотрю, кто она такая, а ты следи дальше.

Вадим, внимательно просматривая запись, минут через десять увидел, что женщина одна вышла из гардероба в вестибюль и направилась к своему столику регистрации. Там она что-то сказала своим коллегам и снова быстро скрылась под лестницей, на входе в гардероб.

– Выяснил, кто такая, – вернулся Игорь. – Это Семенова Марина Сергеевна, работает в двенадцатом отделе, сотрудников которого в тот раз на регистрацию посадили. Ну, и что дальше кино показало?

– Он не выходил, она тоже. – ответил Вадим, который быстро просматривал запись. – Видать, они вместе или ушли другим путем, или где-то в здании остались.

– Скорее всего, ушли, – предположил Игорь. Ему тоже стало интересно. – Она могла одеться и провести его наружу через другую дверь, там есть целых два выхода. Но зачем?

– Не знаю, – отозвался Вадим. – Ты про наше происшествие что-нибудь слышал? Ну, про убийство девушки, и как ее в глыбе льда нашли? Я непосредственный участник этого события, а Сергей этот – бывший жених Кати, которую убили.

– Да ты что! – присвистнул Игорь. – Его подозревают?

– Нет, но показания он давал, – ответил Вадим. Он понимал, что придется как-то объяснить Игорю свой интерес к Сергею. – Я тебе расскажу поподробнее, но попозже, сейчас побегу по записи до конца заседания, может, он еще появится.

Но ни Сергей, ни Семенова больше в поле зрения камеры не попадались. На записи следующего дня Коллегии Сергея утром в вестибюле не было видно, а Семенова сидела на своем месте до конца регистрации.

– Ну, давай рассказывай, – потребовал Игорь. – Что-нибудь дали тебе эти записи?

– Да нет, практически ничего, – вздохнул Вадим. – Ну, не присутствовал Сергей на совещании, но в Москве-то он точно был, а его девушка пропала именно в эти дни. Сейчас тебе расскажу, что знаю.

Когда разговор был закончен, Вадим поблагодарил Игоря и попросил не сообщать руководству о своем визите – ведь ему никто не разрешал заниматься слежкой за чиновником довольно высокого уровня. У них у обоих могут быть большие проблемы.

– Я тут посмотрел данные этой Семеновой, – сказал Игорь, – может, тебе пригодится. Работает у нас четыре года, перевелась из вашего Петербурга в связи с переездом в Москву. Не замужем, есть ребенок, вот адрес и телефон на всякий случай. Ты тоже – смотри, не проговорись, что я тебе помогал, сам не знаю зачем. Интересно стало, в следователей захотелось поиграть.

– Покажи еще фотку этой Семеновой, – попросил Вадим. – Выведи на экран из личного дела, на записи плохо видно лицо.

– Красивая баба, – оценил Игорь, глядя на фотографию темноглазой брюнетки в форме. – А погибшая девушка как выглядела?

– Еще лучше хотя бы потому, что была моложе этой лет на десять, – ответил Вадим. – Блондинка с длинными волосами и серо-голубыми глазами, стройная. Но я ее не видел, она до моего прихода в инспекцию пропала.

– Хороший вкус у этого Сергея, – задумчиво сказал Игорь. – Везет ему, такие бабы красивые к нему липнут.

– Не завидуй, одна из них уже в морге, – усмехнулся Вадим. – А вторая, может, с ним никаких личных отношений не имеет, просто увидела знакомого из своего города и заговорила с ним.

Вадим еще некоторое время провел в Управлении, знакомясь с работой здешней службы безопасности, потом распрощался с коллегами и, выйдя на улицу, стал думать – что делать дальше. Первым делом надо было поесть, живот подвело от голода: за последние сутки не случилось ни ужина, ни завтрака, не считая кофе с булочкой на вокзале в Москве.

Вадим завернул в первое же попавшееся кафе, и очень удачно: в меню оказалась нормальная человеческая еда – борщ, сарделька с картофельным пюре и пирожки с капустой и с яблоками. Все это мгновенно исчезло в недрах оголодавшего мужского организма, и Вадим вдогонку взял еще парочку сладких плюшек с чаем.

«Так, теперь нужно решить, что делать дальше, – наслаждаясь теплыми булочками, размышлял самозванный „детектив“. – Что еще можно здесь, в Москве, сделать? Расспрашивать эту женщину о Сергее я не могу, нет у меня на это никаких полномочий. И так засветился в службе безопасности, еще неизвестно, чем это повернется, если начальство узнает.

Рабочий день в инспекции скоро закончится, поеду-ка я к дому этой Семеновой и подожду, пока она с работы придет. А там видно будет, по обстоятельствам».

Вадим вытащил из спортивной сумки «Атлас для водителей» по Москве, который предусмотрительно купил на вокзале, и стал искать на карте адрес, который ему дал Игорь. Оказалось, Семенова живет довольно далеко от своего места работы, и Вадим, посмотрев на часы, заторопился к выходу.

Рабочий день в инспекции уже заканчивался и в Москве, и в Петербурге, и тут Вадим сообразил, что можно позвонить Инне и попросить ее попытаться что-нибудь узнать о Семеновой – вдруг пригодится.

«Напарница» не подкачала, смогла довольно быстро узнать кое-что интересное. Оказывается, госпожа Семенова до переезда в Москву работала в той самой районной инспекции, куда начальником назначили Сергея Владимировича Парфенова, и занимала должность заме-

стителю начальника отдела. А потом вдруг неожиданно переехала в Москву и устроилась на работу в должности инспектора, то есть с явным понижением статуса и зарплаты.

«Надо на нее хотя бы посмотреть, – думал Вадим, идя по длиннейшей неуютной улице окраинного района Москвы. – В жизни человек по-другому выглядит, чем на фото из личного дела. Да где же этот дом? Номеров не найти, как и у нас в Питере. Нарочно их прячут, что ли? Так и опоздаю к ее приходу, может, она на машине приедет».

Дом, наконец, нашелся, и Вадим, вычислив парадную, где жила Семенова, занял удобную для наблюдения позицию. Через некоторое время к ближней остановке подъехал автобус, и из него вышли несколько человек, в том числе женщина с ребенком. Эта пара быстро пошла в сторону Вадима, причем малыш не успевал, скользил и иногда падал, а женщина раздраженно дергала его и тащила за собой.

«Вот злыдня! – подумал Вадим, сразу же ощутив неприязнь к этой тетке. – Ребенок совсем маленький, не может же он за ней угнаться!» Он пошел навстречу и, как бы рассеянно посмотрев в лицо женщины, убедился, что это именно Семенова. Ребенка рассмотреть не успел, тот захныкал и, получив от мамы «подшлепник», разревелся по-настоящему.

«Ну, собственно, это все, что я мог сделать в пределах своих возможностей, – решил Вадим. – Поеду-ка я к своим! Только как отсюда выбираться?» Он снова развернул «Атлас для водителей» (полезнейшая штука оказалась) и наметил для себя маршрут до дома сестры, благо станций метро в Москве понатыкано великое множество. В какую сторону ни пойдешь – везде на какую-нибудь букву «М» наткнешься, на зависть петербуржцам.

Инна воскресным утром проспала до двенадцати, время от времени просыпаясь и поглядывая на часы – «Нет, еще немного поваляюсь, завтра ведь опять рано вставать», – и снова проваливаясь в глубокий сон. Наконец она заставила себя вылезти из постели и побрела в разгромленную накануне ванную. «Да, грязь-то убрала, а теперь надо все барахло на место возвращать», – с тоской констатировала она.

Инна неспеша позавтракала, всячески оттягивая неприятный момент начала работ в ванной, и решила сначала заняться приготовлением обеда на неделю, а вот уж потом – она как возьмется за неприятные дела, как возьмется!

«Полетят клочки по заулочкам!» – вспомнилась поговорка, которую она слышала от своей пожилой тетушки, которая часто нянчила маленькую Инну, когда она болела и не ходила в детский сад. Почему-то тетя говорила «по заулочкам», и Инне очень нравилось это старинное слово – гораздо лучше, чем какие-то «закоулучки», сразу становится понятно, что «заулучки» – это проходы за большими улицами. Там-то клочки и полетят!

Готовка заняла почти два часа, потом Инна сбегала к родителям, удостоверилась, что они явно идут на поправку и что им ничего не нужно. Но она все же принесла замороженной клюквы для морса, хотя мама и отбрыкивалась, пытаясь засунуть эту клюкву назад, Инне в сумку.

Потом прошлась по улице, где уже начинало попахивать весной, и из водосточных труб время от времени с грохотом обрушивались на тротуар куски льда. «Лед! Как я могла забыть! Катин сверток-то я так и не развернула!» – вдруг осенило Инну.

Она заторопилась домой. Но – начиная с пятницы никаким ее планам, по-видимому, не суждено было сбываться. На лестнице ее поджидала вреднючая соседка со второго этажа, которая желала получить компенсацию за протечку в ванной.

Инна добровольно платить не хотела и предложила вызвать комиссию из «жилконторы» для оценки ущерба: в конце концов, она же не виновата, что труба пенсионного возраста решила лопнуть именно в эту пятницу. Наверное, жилищники обязаны менять старые трубы по истечении какого-то срока? Или нет?

Спор затянулся, присоединились другие пострадавшие, и только примерно через час Инна попала к себе домой и с облегчением захлопнула входную дверь.

Собственноручно приготовленный обед ждал на плите. Правда, меню не блистало оригинальностью или какими-нибудь изысками: большая кастрюля шей с увесистым куском мяса (на всю неделю хватит, первое и второе в одном!) и целая сковорода жареной рыбы.

«Ну, уж этой-то порции хватит дня на три, не меньше, а дальше что-нибудь придумается. Сейчас поджарю еще картошечки и устрою пир горой!» – весело подумала Инна, закидывая в раковину картошку и повязывая фартук.

Размечталась!

Зазвонил мобильник, Инна бросила в раковину нож и не почищенную картофелину, кое-как вымыла руки и схватила трубку.

– Иннусик, ты дома? – звонила ее институтская подруга Люда. И затараторила, не дожидаясь ответа: – Я к тебе зайду сейчас, ладно? Я рядом, Граню в «ветеринарку» привозила на прививку. Просидели там ужас как долго, я есть страшно хочу, умираю прямо, а мне нельзя голодать, ты же знаешь! И уколюсь у тебя. Сейчас сардельки куплю и хлеба черного и к тебе забегу. Жди!

– Конечно, заходи! – без особого энтузиазма ответила Инна. – Сардельки можешь не покупать, у меня сегодня обед есть в кои-то веки, и тебе эта еда тоже подойдет.

Люда болела диабетом в тяжелой форме, сидела на инсулине. Но это не особо мешало ей жить полной жизнью – по характеру она была настоящий «черт в юбке»! Вернее, чертовка, потому что явно обладала кое-какими сверхспособностями: могла сглазить человека и частенько предвидела какие-то бытовые события, удивляя окружающих.

К тому же, Люда имела ярко выраженные лидерские качества – умела командовать и подчинять своей воле тех, кто давал слабину в отношениях. А таких она вычисляла сразу и держала крепко, в качестве друзей и помощников, причем все эти люди были глубоко убеждены, что она имеет полное право их использовать, и даже не пытались вырваться.

Инна все это про свою подругу прекрасно понимала, и Людка, в силу своей суперпроницательности, знала, что она понимает, но это совершенно ее не останавливало – пользовалась Инной, как и другими, для своих надобностей.

Инна правда иногда взбрыкивала, давая подруге понять, что та чересчур увлеклась ролью руководителя, и на некоторое время попытки диктата прекращались. А потом Люда как ни в чем не бывало снова обращалась к ней с какой-нибудь просьбой, и Инна не находила сил ей отказать – ведь та была серьезно и совершенно безнадежно больна.

Инна дочистила картошку, поставила на плиту и еще решила сварить гречу для Людмилы – ведь картошку ей нельзя, а с кашей может поесть мясо из супа, если сардельки не принесет.

С лестницы послышалось бодрое твяканье – ягдтерьера Граню заставить замолчать не могла никакая прививка, неиссякаемая активность породистой девочки-песика была такой же, как у ее хозяйки. Инна побежала в прихожую.

Тут же захрипел старый звонок, доставшийся в наследство от бывшей хозяйки, и в начавшую открываться дверь ворвалась сначала черно-рыжая торпеда с бешено виляющим коротким хвостиком, а за ней, распахнув дверь на всю ширину, ввалилась и ее хозяйка. Инна едва успела увернуться, чтобы не получить как следует в лоб, печальный опыт у нее уже имелся.

– Граня, фу! Фу, кому говорю! – вступила в дуэт с собакой Люда, стараясь ее перекрыть. – Замолчи сейчас же! Инна, она пить хочет, налей во что-нибудь водички! Подожди, у меня же с собой ее миска есть! Вода только кипяченая или фильтрованная ей нужна, у тебя есть? Да замолчи ты, Граня! Сейчас мама попить нальет!

Весь этот гвалт прекрасно резонировал на лестнице, и Инна слышала, как двери соседей открываются, а потом громко захлопываются («Конечно, опять это в тридцать шестой квар-

тире, где же еще!»), демонстрируя Инне, как постоянному источнику всяческих беспокойств, свое «Фи».

«Наплевать на них! – решила Инна, закрывая дверь. – Если соседка снизу явится с претензиями, скажу, что ее муженек на балконе постоянно курит и окурки вниз бросает».

Людка-телепатка, как обычно, все сразу поняла, и в ответ на ее мысли со смехом сказала:

– Все время тебя учу: лучший вид обороны – нападение. Что, конфликтуешь с соседями? – она цепким взглядом окинула крохотную прихожую и сразу попала в точку. – Залила ты их, что ли? Требуют сатисфакции?

– Каждый раз поражаюсь – как ты все угадываешь? – привычно изумилась Инна. – Похоже, владеешь какой-то телепатией. Смотри, сожгут тебя на костре.

– Да пусть сожгут, хоть от уколов постоянных избавлюсь, и от других мучений. – Люда неожиданно помрачнела, глаза налились слезами. – Уже мест на теле нет не исколотых, а на животе воспаление образовалось, инфильтрат. Каждый божий день – вскрывать, промывать, заклеивать. Сил нет бороться, устала.

– Людка, извини, я пошутила неудачно, – забормотала Инна.

– Да ладно, все нормально. – Люда вытерла набежавшие было слезы. – А телепатия в данном случае ни при чем, простая наблюдательность. Тапки и другая обувь подняты на верхнюю полку, пакет со старыми стиральными порошками стоит в прихожей – явно на выброс приготовлен, пачки мокрые и воняют, какой вывод сделал мой компьютер, встроенный в мозги? У меня обостренное обоняние, запахи все чувствую, которые другие не замечают.

– Так, все, – завершила вступительную часть Инна. – Раздевайся, проходи, воду Гране сама нальешь. Я на кухню, обед греть.

– Сардельки возьми, пригодятся! – крикнула ей вслед Люда. – И кофе зерновой я принесла, кофемолка у тебя имеется, я знаю.

Люда кое-как утихомирила собаку, напоив ее из знакомой миски и уложив в прихожей на подстилку, которую тоже принесла с собой. Любимая игрушка – теннисный мячик – оставался пока в запасе: когда Гранечка отдохнет и снова начнет бесноваться, этот мячик надо будет кидать в разные концы квартиры, и собачка будет за ним бегать и приносить хозяйке, а в промежутках между забегами можно будет поговорить.

Наконец Люда, проделав в ванной все свои процедуры (укол инсулина, перевязка и переклейка вскрытого нарыва, промывка шприца), пришла на кухню. Окинув взглядом накрытый стол, она сказала:

– Диабетик должен быть нахальным, эту истину каждый раз при встрече у врача повторяет один мой товарищ по несчастью. Он болеет уже лет двадцать, колется каждый день и пытается меня подбадривать, причем говорит «дибетик», а не диабетик. «„Дибетик“ должен быть нахальным». Да. Мы все, «дибетики», носим в карманах и в сумках конфеты на случай диабетической комы, причем выбираем самые любимые, обычно строго запрещенные.

– Да, я знаю, – ответила Инна. – У тебя это «Мишка на севере». В институте как-то тебе плохо стало, ты тыкала пальцем в свою сумку и потом в губы, и я одна догадалась достать конфету и в рот тебе сунуть.

Подруги с удовольствием пообедали, потом Людка закурила и потребовала достать кофемолку и турку, она сама приготовит кофе, поскольку Инна не умеет. Та возмутилась – чего это я не умею? Даже бывший муж, не к обеду будь помянут, не жаловался и ничего не вырывал из рук, правда, и сам никогда не брался за это дело.

– А я тебе покажу, как надо, – заявила Люда, отодвигая мощным бедром Инну от стола. – Кофе надо молоть только на один раз. Заливать холодной водой, греть на самом медленном огне. Когда поднимется, снять с огня, постучать туркой по столу, чтобы пена с частичками кофе осела, и еще раз поставить на огонь, дать подняться. И разливать сразу!

– Ну, давай, действуй, – уступила бразды правления хозяйка, – результат будет тот же, поскольку главное здесь – сам кофе, если качественный и свежий, то в любом случае вкусный получится.

Кофе получился что надо, сварили еще порцию, подлили коньяка, а потом еще сварили и добавили «Рижский бальзам» для сравнения. Не поняли, как вкуснее, сварили еще, и влили и коньяк, и бальзам. Отличный результат!

Время за обедом и кофе пролетело незаметно, Граня дремала на подстилке – прививка все же действовала, и Люда не спешила уходить, чтобы не мучить собаку в транспорте.

Когда всех общих институтских знакомых вспомнили и обсудили, заговорили о работе. Люда работала бухгалтером в небольшой косметической фирмочке. Практически это был ларек у станции метро, в котором штат состоял из хозяйки – владелицы этой торговой точки, Людмилы и одной продавщицы. Денег было маловато, и Люда, будучи знающим бухгалтером, составляла и подавала в налоговую инспекцию отчеты еще для парочки небольших фирм.

– Мы с тобой по разные стороны баррикад! – громко втолковывала она слегка захмелевшей от кофе с коньяком Инне. – Вы там, в налоговой, все пытаетесь нас уличить, поймать, оштрафовать! А мы хитрые, уворачиваемся!

– Да вся ваша хитрость – это конфеты принести в инспекцию! – отвечала Инна слегка заплетающимся языком. – Имей в виду, поймать и оштрафовать вас могут только при проверке, которая редко бывает, и о ней предупреждают! И конфеты можете не таскать, девяносто девять процентов работников налоговой – простые клерки, работаем в рамках Налогового кодекса и компьютерной программы – и ни шагу в сторону!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.